

ПЕРЕПИСКА С О. О. ГРУЗЕНБЕРГОМ

Предисловие, публикация и комментарии
Ф. Н. П и ц к е л ь

Переписка Горького с крупнейшим петербургским адвокатом (присяжным поверенным) О. О. Грузенбергом (1866—1940) охватывает как предреволюционные, так и послереволюционные годы; в ней нашли отражение существенные моменты жизни и творчества Горького, многие проблемы литературной и политической жизни эпохи.

Грузенберг сыграл немаловажную роль в жизни Горького. В переписке часто речь идет о тех или иных судебных делах, которые вел Грузенберг как защитник Горького (знаменитое дело о воззвании по поводу 9 января 1905 г., спасение от гибели попавших под цензурный арест произведений Горького и многих других писателей, издававшихся в горьковском «Знании», ведение многолетнего спора с бывшими пайщиками товарищества «Знание» братьями Протопоповыми, задолжавшими издательству крупную сумму). В силу дружеских отношений между Горьким и Грузенбергом, многогранности интересов корреспондентов, переписка во многих случаях касается не только деловых тем, но широкого круга вопросов литературных и социально-политических.

Взаимоотношения писателя и его защитника, на наш взгляд, недостаточно привлекали внимание биографов Горького. Настоящая переписка дает возможность отчетливо увидеть этого незаурядного человека, пользовавшегося доверием и уважением Горького.

Оскар Сипиович Грузенберг родился в Екатеринославе в семье купца 2-й гильдии. В 1889 г. окончил юридический факультет Киевского университета, затем переехал в Петербург, где протекала его деятельность. Он многократно выступал по крупнейшим политическим и литературным делам. Защищал не только Горького, но и В. Г. Короленко, С. А. Венгерова, Н. Ф. Анненского, А. В. Пешехонова и др., стоял во главе защиты в деле первого Совета рабочих депутатов, в той же роли участвовал в процессе по делу Бейлиса.

К Грузенбергу обращался также Г. В. Плеханов в связи со своим намерением возвратиться из эмиграции в Россию после первой русской революции. В письме от 21 июня/4 июля 1906 г. Л. И. Аксельрод сообщала Плеханову: «Была у Грузенберга и говорила с ним о Вашем приезде. Он твердо уверен, что с юридической стороны нет и не может быть никаких препятствий <...> Но одно дело юридическая сторона, другое дело полицейская, произвол, который царствует теперь, как и прежде. Словом, Грузенберг того мнения, что полиция Вас все-таки может тревожить без всякого на то юридического основания. Он поэтому того мнения, что Вам все-таки лучше обождать»¹.

После Февральской революции Грузенберг был назначен сенатором Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената.

В апреле 1918 г., как пишет он Горькому в одном из позднейших писем, «после перенесенного двустороннего воспаления легких» уехал «на юг в расчете вернуться через несколько месяцев». Однако вскоре последовала эмиграция. С 1921 по 1923 г. Грузенберг жил в Берлине, затем переехал в Ниццу, где находился до 1926 г. С 1926 по 1932 г. жил и работал в Риге. В начале 30-х годов состояние здоровья Грузенберга заставило его переехать на юг, в Ниццу, где он и умер.

Имя Грузенберга начинает мелькать в переписке Горького с Пятницким, директором-распорядителем издательства «Знание», с 1902 г. Желая избавить Чехова от кабального договора с книгоиздателем А. Ф. Марксом, Горький попросил Пятницкого обратиться в связи с делом Чехова к Грузенбергу. В декабре 1902 г.

Пятницкий сообщил Горькому: «Грузенберг только перед праздником вернулся из Тифлиса. 26 декабря я говорил с ним о деле Антона Павловича Чехова» (АГ). В середине марта 1903 г. Горький снова пишет Пятницкому о Чехове, упоминая при этом Грузенберга².

Личное знакомство с Горьким Грузенберг относит в своих мемуарах «О Максиме Горьком» ко второй половине 1904 г. (АГ), но произошло оно, видимо, раньше. Е. Д. Стасова рассказывает: «...я прекрасно помню вечер, устроенный в 1903 году на квартире известного петербургского адвоката О. О. Грузенберга, где писатель читал только что написанную им поэму „Человек“»³. Это был вечер, устроенный в пользу кассы партии большевиков в конце ноября или начале декабря 1903 г.

О своем знакомстве с Горьким Грузенберг пишет: «Я узнал Горького в пору его сумасшедшей славы,— той славы, когда герой становится легендой еще при жизни. В славе этой примечательно то, что пришла она быстро, без рекламы и во всяком случае без малейшей саморекламы.

Горький — один из немногих русских писателей, проникших в народную толщу и ставших ей близким: в ней он — свой, родной, не по хорошему мил, а по милу хорош.

Во второй половине 1904 г. он обратился ко мне с просьбой помочь ему в организации защиты одной провинциальной группы общественных работников, а через полгода стал моим подзащитным. С тех пор знакомство наше, перешедшее если не в дружбу, то в приязнь, продолжалось много лет» (АГ).

С 1905 г. Грузенберг становится защитником Горького во всех важнейших процессах. В благодарность за успешно проведенное дело в связи с обвинением писателя в составлении воззвания по поводу 9 января 1905 г. Горький подарил Грузенбергу шесть томов своего Собрания сочинений с дарственной надписью на заглавной странице первого тома: «Моему уважаемому защитнику Оскару Осиповичу Грузенбергу с чувством искренней благодарности и с горячей симпатией к нему — человеку». И далее — стихи из пьесы «Дети солнца»:

Как искры в туче дыма черной,
Средь этой жизни мы одни...
Но мы в ней будущего зерна,
Мы в ней грядущего огни!
Мы честно служим в светлом храме
Свободы, Правды, Красоты
Затем, чтоб гордыми орлами
Слепые выросли кроты!

Надпись датирована 5 июля 1905 г. (Там же).

Позднее Горький подарил Грузенбергу также свою повесть «Исповедь».

Из воспоминаний Грузенберга известно о поездке его к Горькому на Капри, которую сам Грузенберг датировал сначала 1913-м (Там же), а затем — 1909 г.⁴ В действительности поездка состоялась в начале 20-х чисел апреля 1908 г. Около 22 апреля/5 мая 1908 г. М. Ф. Андреева писала своей сестре Е. Ф. Крит: «...вчера приехал Грузенберг <...> сегодня днем Грузенберги обедали у нас» (АГ).

«Приехал я с женою поздним вечером,— рассказывает Грузенберг в своих мемуарах,— заехали в гостиницу, а на другой день в десятом часу отправились к Горькому. Я увидел облупленный снаружи наемный дом, о котором петербургские „друзья“ Горького говорили и писали в газетах как о роскошной собственной вилле. Обижаться не приходится: из любви к Горькому они, вероятно, находили, что большому русскому писателю „надо наслаждаться постом и купаться в лишениях“.

Обстановка в этой вилле была жалкая, а в столовой стоял длинный некрашенный, на козлах, стол, какой ставили обычно в экономиях средней руки для рабочих,— и то не своих, а „сроковых“ (срочных). Накормил он нас и прочих гостей — прости ему бог! — неважно. Мы застали на „вилле“ много народу: усыновленного Горьким Зиновия Алексеевича (родного брата ставшего впоследствии пред-

седателем ВЦИКа Свердлова), Луначарского, Шаляпина и Малиновского-Богданова <...> потом при мне завязался у Горького разговор с Луначарским. Горький говорил о своем плане устроить на Капри школу пропагандистов, причем подсчитывал, во сколько это ему обойдется. Я мрачно слушал и думал: „Ну, вот, только этого не доставало; насилу вырвались из процесса о „воззвании“, у судебных следователей лежит уйма литературных дел по суровой 129 статье с постановлением о привлечении Горького в качестве обвиняемого, а тут еще новая, более опасная затея. Не скоро Горький увидит Россию!“ (Там же).

И еще одна встреча, последняя, Горького и Грузенберга состоялась вне пределов России. Это было в начале 20-х годов, когда Горький приехал в Берлин, а Грузенберг жил там. «...Мы вместе просмотрели его письма ко мне, и я получил разрешение на их опубликование»⁵, — вспоминает Грузенберг. С. О. Грузенберг, брат адвоката, датирует эту встречу, со слов О. О. Грузенберга, 1923 г. 21 мая 1935 г. он писал Горькому: «... по словам Оскара Осиповича, он еще в 1923 году получил от Вас разрешение на опубликование Ваших писем к нему» (АГ). То же он повторил в письме к П. П. Крючкову 11 июня 1935 г. (АГ).

Грузенберг не раз писал воспоминания и рассказывал о встречах с Горьким. Так, в 1926 г. он читал публичные лекции о некоторых своих подзащитных, в том числе и о Горьком. 15 апреля 1928 г. он писал Горькому из Риги: «Если до Вас доходят здешние газеты, то <...> Вы знакомы и с тем, что я высказал о Вас, не считаясь с настроением местной печати и обслуживаемых ею кругов» (п. 29).

В 1935 г. написаны цитируемые выше воспоминания Грузенберга «О Максиме Горьком». Они создавались по предложению С. Д. Балухатого и в сентябре 1935 г. были посланы Грузенбергом на просмотр Горькому, который сделал на рукописи ряд помет. В несколько сокращенном виде воспоминания были напечатаны в кн.: *Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. Париж, (1938). С. 177–194. После смерти Грузенберга вышла кн.: *Грузенберг О. О.* Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944, в которой опубликованы письма к нему Горького.

Грузенберг не принадлежал к числу «злобствующих» эмигрантов. Наоборот. И в эмиграции он продолжал любить свою родину и с горячим участием относился к ее судьбе, что явственно проступает и в приводимых письмах, и в других документах. 30 декабря 1923 г. он писал из Ниццы А. Ф. Кони: «Обо мне... Обо мне, что ж... Умирал, — не умер, воскресал, — не воскрес.

Недостает мне России — вот что. Недостает и ничем не заменить этой недостаи. Никогда я не думал, что так люблю ее <...> Вернуться домой — недолго. Не снесу климата (ясно, что должны быть очень серьезные основания, если я сломал налаженную дешевую берлинскую жизнь и двинулся сюда, в одиночество, ибо здесь из русских — только зубры!).»

«Вернуться домой»... Как человек, оторванный от родины и знавший понаслышке о совершающихся в ней переменах, Грузенберг представлял себе нэп как господство буржуа. Это заблуждение тоже не давало разгореться теплящемуся в душе желанию возвратиться домой: «буржуев» он очень не жаловал. «... Если пренебречь вопросом о климате, — пишет он далее в этом же письме, — что же я стану дома делать? Служить нэповцам?! Еще года за 3 до революции, когда на одном из чествований некий самодовольный буржуй стал в своей речи слишком тискать меня своей любовью, я не вытерпел и бухнул: „Единственный дом, где я охотно посещаю буржуазию, — это дом предварительного заключения!“»⁶.

Трагически звучит последнее из публикуемых писем Грузенберга Горькому от 28 сентября 1935 г., в котором он предвидит неизбежность германского нашествия и в котором с огромной силой проступает его боль за родину и любовь к ней.

Переписка Горького с Грузенбергом, хранящаяся в АГ, охватывает целое 30-летие — с 1905 по 1935 г. Наиболее интенсивная ее часть относится к каприйскому периоду жизни Горького. После 1925 г. письма Горького отсутствуют или

не разысканы. Грузенберг же писал Горькому 15 апреля 1928 г. из Риги, 16 мая и 30 сентября 1933 г. из Ниццы и оттуда же — 28 сентября 1935 г.

В настоящей публикации печатаются 11 писем и 3 телеграммы Горького и 15 писем и 2 телеграммы Грузенберга. За пределами публикации оставлены следующие материалы.

В копировальной книге Пятницкого (АГ) имеется запись телеграммы, посланной Грузенбергу в Висбаден 3/16 сентября 1905 г.:

«Наиболее удобный исход третейский суд товарищей снесите по этому вопросу Иваном Павловичем⁷ желательно наложить запрещение текущие поступления привет

Пешков»

Речь идет о Парвусе (псевдоним А. Л. Гельфанда), одном из деятелей немецкой социал-демократии. Парвус присвоил деньги, которые получал по доверенности Горького от немецких театров за постановку «На дне». Эта же телеграмма приведена Грузенбергом в его воспоминаниях «О Максиме Горьком». «Горький поручил мне ведение этого дела», — пишет Грузенберг.

Читая цитируемые воспоминания, присланные ему автором в 1935 г., Горький рядом с текстом приведенной телеграммы сделал помету: «Не моя телеграмма, Пятницкого. Первый раз читаю ее».

Конечно, по простетивши 30 лет Горький мог забыть о телеграмме, посланной Пятницким от его имени вряд ли без согласования с ним, однако, считаясь с замечанием Горького и учитывая спорность вопроса, телеграмма в состав корреспонденции Горького не включена.

Не включен также отрывок чернового автографа начатой телеграммы, относящийся к осени 1911 г., сделанный на одном листке с черновиком телеграммы Амфитеатрову. Запись произведена частично чернилами, частично карандашом, указан адрес Грузенберга и далее лишь одно слово: «Присоединяюсь». См.: Г—А, п. от 1 декабря 1911 г. и прим. к нему.

Из писем Грузенберга не печатается письмо от 16 мая 1933 г., адресованное в Сорренто, по той причине, что содержание его почти полностью было повторено в письме от 30 сентября 1933 г., после того как Грузенберг узнал, что Горький из Сорренто выехал в СССР и первого письма, возможно, не получит.

Некоторые письма Горького были ранее напечатаны в вышедших за рубежом книгах О. О. Грузенберга: «Вчера. Воспоминания» (с сокращениями) и «Очерки и речи» (полностью) — это п. 1, 3, 8, 21. П. 14 впервые с сокращениями появилось в газете «Последние новости» (Париж, 1936, № 5603, 27 июля) в статье Грузенберга «О Максиме Горьком» и полностью напечатано в книге «Очерки и речи». Впервые в книге «Очерки и речи» напечатаны п. 11, 13, 17, 23, 26, 28.

Все эти письма приводятся и в настоящем издании. 5 из них — п. 1, 4, 13, 14, 21 — впервые печатаются по автографам, п. 11 — по машинописи (АГ), которые во многих случаях исправляют ошибки, вкравшиеся в указанные публикации. Уточнена и исправлена датировка многих писем.

Телеграмма Горького от 20 ноября / 3 декабря 1909 г. напечатана в 9, 572. Телеграммы 15, 19 публикуются впервые. Также впервые публикуются все письма (автографы) и телеграммы Грузенберга (АГ).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дом Плеханова, ф. 1093, ед. хр. В. 8. 84.

² Арх. Г. Т. IV. С. 123.

³ М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. С. 69.

⁴ Грузенберг О. О. Вчера: Воспоминания. Париж, (1938). С. 182.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 490.

⁷ Имеется в виду И. П. Ладыжников.

1. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Москва. Ноябрь, после 4, 1905 г.)

Дорогой Оскар Осипович!

Думаю, что теперь уже не стоит мне вступать в прю с прокурорами — дадим им амнистию¹ и — да исчезнут!

А здоровье мое — неприятно. Был большой плеврит. Вот уже месяц сижу дома с компрессами, мушками и прочими неудобствами. Кожа раздражена, нервы — того больше. Зол, как черт.

Супруге вашей кланяюсь и жму руку Вам. Думаю, что скоро доктор меня выпустит на волю, тогда приеду в Питер² и увижу Вас.

А. Пешков

Датируется как написанное после прекращения (4 нояб. 1905 г.) дела по обвинению Горького в составлении воззвания («Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств») (XXIII, 333—336). В кн. О. Грузенберга «Очерки и речи» (Нью-Йорк, 1944. С. 225) ошибочно датируется декабрем 1906 г.

¹ 8 января 1905 г. депутация, состоявшая из литераторов и общественных деятелей, в которую входил Горький, предприняла попытку воздействовать на крупнейших царских сановников с целью предотвратить кровавое побоище, устроенное царским правительством 9 января 1905 г. После неудачи этой попытки и свершившегося преступления Горьким был написан проект воззвания, обращенного ко «всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств», рукопись которого при обыске в ночь на 11 января 1905 г. была обнаружена у другого члена депутации, присяжного поверенного Е. И. Кедрина. Горький был арестован 11 января, доставлен в Петропавловскую крепость и заключен в отдельную камеру Трубецкого бастиона. Ему было предъявлено обвинение в составлении воззвания по поводу 9 января, возбуждающего к ниспровержению существующего строя. В обвинительном акте товарища прокурора Петербургской судебной палаты Камышанского по делу Горького говорилось: «...рукопись, по словам Пешкова, написана им под впечатлением ужаснувших его событий 9 января в намерении послать ее министру внутренних дел, а также разослать в редакции петербургских газет в надежде, что в которой-нибудь из них она будет напечатана, несмотря на резкое ее содержание. Поводом к ее составлению послужили, по словам обвиняемого, следующие обстоятельства: приехав в Петербург 4 января, Пешков, как из газетных сообщений, так и из рассказов разных лиц узнал, что столичные рабочие, под влиянием и руководством священника „Агафона“* собираются 9 января идти на Дворцовую площадь для вручения государю императору петиции с изложением своих требований (...) „Слыша (...) что против рабочих принимаются меры с целью не допустить их ко дворцу, и ясно понимая неизбежность столкновения“, Пешков вечером 8 января „случайно зашел в редакцию газеты „Наши дни“, где „застал большое собрание, занятое горячим обсуждением назначенного на завтра шествия рабочих на Дворцовую площадь“. Приняв участие в этом совещании, Пешков предложил собравшимся послать из своей среды депутацию к министру внутренних дел с целью представить на его усмотрение все известные им факты и просить его, „как министра и человека“ принять „все для него возможные меры“ к предотвращению почти неизбежного столкновения рабочих с полицией и войсками. Предложение это было принято, и тотчас же была избрана депутация, в состав которой, кроме Пешкова, вошли литераторы Арсеньев, Анненский, Пешехонов и Мякотин, историки Кареев и Семеvский, присяжный поверенный Кедрин и один рабочий. Подробности посещения этой депутацией министра внутренних дел и других лиц изложены, по словам Пешкова, в вышеприведенной рукописи, которая была составлена им на следующий день по собственной инициативе, без ведома входивших в состав депутации лиц, причем он предполагал дать ей распространение лишь в том случае, если бы лица эти одобрили ее содержание. С этой целью, справившись у посетивших его в тот же день знакомых о том, где бы он мог увидеться вечером с кем-нибудь из членов депутации, и узнав, что нужные ему лица, вероятно, будут в собрании Вольно-экономического общества, Пешков отправился туда и, встретив одного из членов депутации, передал ему рукопись со словами: „Посмотрите, пожалуйста, можете изменить ее, как угодно; я отказываюсь от авторских прав на эту статью“.

Произведенной на дознании экспертизой установлено, что найденная у Кедрина рукопись написана рукой Алексея Пешкова.

На основании изложенного нижегородский пеховой Алексей Максимов Пешков, 35 лет, обвиняется в том, что 9 января 1905 года в С.-Петербурге составил с целью

* Так в тексте. Имеется в виду Гапон.

распространения воззвание, возбуждающее к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, причем распространение означенного воззвания не последовало по обстоятельствам, от воли Пешкова не зависевшим.

Описанное преступление предусмотрено 1 п. 132 ст. Угол(овного) суд(опронизводства), а потому, на основании 1 п. 132 ст. Угол(овного) суд(опронизводства) названный Алексей Пешков подлежит суду С.-Петербургской судебной палаты без участия сословных представителей» (Исторический архив. 1955. № 1. С. 113—114). Некоторые подробности, уточняющие обстоятельства ареста Горького, см. в статье И. Новича «Еще о „деле“ М. Горького в 1905 году» (Новый мир. 1959. № 3. С. 221—225). 14 февраля 1905 г. Горький был освобожден под залог и под конвоем доставлен на Балтийский вокзал. Вечером этого дня он вместе с М. Ф. Андреевой выехал в Ригу в сопровождении сотрудника охранного отделения.

Защиту Горького вел Грузенберг, который в своих воспоминаниях рассказывает: «Дело получило внеочередной ход и было назначено на 3-е мая. Ввиду того, что у меня как раз была защита в Риге, я взял приватно, для вручения Горькому, обвинительный акт, дабы он не был переслан через Рижскую полицию, которая совместно с баронами-собственниками почти всего Взморья выжила бы его с дачи <...> Застал я его больным, но совершенно бодрым. К делу своему он отнесся с полным равнодушием и строил планы литературной работы в тюрьме. Это настроение полной безнадежности разделяла и его друг NN <М. Ф. Андреева>. Она сказала мне: „Смешно думать, что процесс об Алексее Максимовиче поставлен для того, чтобы его оправдать; ясное дело, что он будет осужден и приговорен в максимальном размере“. Я ответил ей, что безнадежных дел нет, а есть только безнадежное к ним отношение <...>

Вернувшись в Петербург, я узнал, что от прокурора Судебной палаты поступило требование о закрытии дверей судебного заседания на все время слушания дела — вплоть до приговора. Я понял выработанный министерством юстиции план: лишить этот процесс общественного контроля и поставить общество перед фактом осуждения <...>

Подумав день-другой, я пришел к заключению, что в самой постановке дела получила место юридическая ошибка, обусловленная недостаточным в то время знанием нового Уголовного уложения, которое еще мало применялось <...> Я решил в прошении о вызове свидетелей изложить все дело и мои юридические доводы, привести целиком воззвание Горького, — последнее с той целью, чтобы пролитая 9-го января народная кровь была бы хоть морально отомщена <...> Прошение мое я отдал в печать» (Грузенберга О. О. О Максиме Горьком // АГ). Прошение Грузенберга в Петербургскую судебную палату было напечатано 6 апреля 1905 г. В нем Грузенберг обосновывает неприменимость к Горькому предъявленной ему статьи обвинения: «...применение 1 п. 132 ст. угол. улож., по которой обвиняется мой доверитель, возможно лишь только тогда и постольку, когда и поскольку установлено, что вполне законченное воззвание передано другому для набора, переписки или размножения каким-либо иным путем. Между тем по настоящему делу <...> ясно, что инкриминируемое ему <Пешкову> воззвание составляет лишь проект <...> все его содержание, весь его смысл и все назначение поставлены в зависимость от одобрения или неодобрения членов депутации <...> При таком положении в настоящем деле отсутствует не только указанное выше объективное условие наказуемости составления воззвания, но и самое воззвание. Мы имеем лишь случай проекта воззвания, обнаружение лишь мысли, чувства и настроения, но не действия». Далее Грузенберг требует вызова в судебное заседание П. Д. Святополк-Мирского, С. Ю. Витте и К. Н. Рудзевского и протестует против намерения прокурора вести процесс при закрытых дверях: «...прокурор Спб. судебной палаты отождествляет свои права с правами г. министра юстиции: только последний может без мотивировки потребовать закрытия дверей». Прошение завершается утверждением, что «не представляется основания к закрытию дверей судебного заседания по этому делу и к отправлению в тайне правосудия над писателем, участь которого вызывает усиленные тревоги не только на его родине, но и во всем культурном мире» (Биржевые ведомости. 1905. № 8760. 6 апр. В тот же день напечатано также: Новости и биржевая газета. № 88).

Об окончании этого дела Грузенберг пишет: «Министерство и прокуратура не могли не понять своей ошибки, когда она была демонстрирована <...> Дело пролежало у судебного следователя без движения несколько месяцев и было ликвидировано подведением под один из манифестов об амнистии» (Грузенберга О. О. Вчерашнее Воспоминания. С. 190).

Несомненно, что освобождению Горького способствовал и тот взрыв общественного негодования и протестов, которым сопровождался его арест и в России, и за границей. Многочисленные требования освободить Горького поступали в адрес правительства. Распространялись листовки революционного содержания, подобные следующей: «Свобода Горькому, борцу за волю, певцу свободного слова! Да здравствуют все смело идущие на бой за пролетарское дело, за политическую свободу! <...> Долой царское правительство, давящее мысль, гнетущее и разоряющее русский народ! <...> На волю всех политических узников!» (Исторический архив.

1955. № 1. С. 140 Там же: «Ходатайство» комитета Литературного фонда об освобождении А. М. Горького из-под ареста, посланное управляющему Министерством юстиции С. С. Манухину от 14 февр. 1905 г.)

Газ. «Berliner Tageblatt» обратилась к представителям немецкой науки, литературы, искусства и общественной жизни с воззванием «Спасите Горького!». Воззвания подписали видные писатели, общественные деятели и ученые. Протест против ареста Горького печатался во французской социалистической газ. «L'Humanité». Во многих городах проходили демонстрации в защиту Горького.

Сам Грузенберг рассказывает: «Помню бесконечный ряд телеграмм из-за границы на адрес Совета присяжных поверенных от ученых, писателей и адвокатов. Во всех них одна и та же тревога по поводу предстоящего суда: оберечь Горького от злобной мстительности властей, дать ему надежного защитника. Особенно врезалась в память своеобразием редакции телеграмма (от 30 апреля 1905 г.) адвокатуры небольшого итальянского города Трани: „Председателю Сословия Адвокатов в Петербурге. — Наш совет Сословия Адвокатов выражает во имя всеобщей гарантии прав защиты пожелание, чтобы права эти не были нарушены по отношению к мыслителю Максиму Горькому. Президент Дасканно“» (АГ).

Умелые действия Грузенберга в борьбе с царским судом вызвали восхищение Горького, и он дважды писал Пятницкому: «А он молодчина, Грузенберг-то, скажу еще раз» (Арх. Г. Т. IV. С. 181); «А Грузенберг — еще раз — молодчина! Скажите это ему при встрече» (Там же. С. 182)

Горький отвечает на письмо Грузенберга, о котором последний рассказывает так: «По присущей мне в ту пору драчливости я не хотел дать амнистию министерству и написал Горькому: не отказаться ли нам от амнистии и не потребовать ли слушания дела...» (Грузенберг О. О. Вчерашнее. Воспоминания. С. 190).

Несколько ранее, 26 июля 1905 г., Грузенберг выразил свое мнение по этому поводу в письме к Пятницкому: «Если будет издан манифест и под него подведут и Алекс. Макс., — то полагаю, что он уполномочит меня требовать все-таки суда. Иначе манифест будет милостью для невежественной прокуратуры. Невинновыне в милости не нуждаются» (АГ).

Следует отметить, что в первое время после ареста сам Горький был «за суд» и намеревался выступить на нем с речью, публично клеймившей антинародную политику правительства. 27 февраля (12 марта) 1905 г. он писал Пятницкому: «...об уклонении от суда не может быть речи, напротив — необходимо, чтоб меня судили [...] это даст мне превосходное основание объяснить Европе, почему именно я „революционер“ и каковы мотивы моего „преступления против существующего порядка“ избиения мирных и безоружных жителей России, включая и детей» (Арх. Г. Т. IV. С. 177).

Однако впоследствии, в связи с ростом массового революционного движения и вооруженной борьбы против царизма, выступление на суде, видимо, отошло для него на второй план.

² Приезд в Петербург состоялся 27 ноября 1905 г. См: ЛЖТ. Вып. 2. С. 564.

2. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

Сестрорецк. 17(30) авг(уста) 908 г.

Спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за добрую память — присыл «Исповеди»¹, но еще большее спасибо за то, что написали ее.

Не то важно, во что Вы верите, а дороги те сила и страсть, которыми Вы ее одухотворяете.

Валятся религиозные кумиры, умирают идеалы, но огненные вехи, к ним ведущие, напоминают людям, что можно не найти бога, но нельзя не искать его.

За вашу бессонную мысль, за беспокойную душу и жгущее слово крепко-крепко обнимаю Вас.

Не знаю, что скажут гг. критики (пока они пролепетали что-то детски-немоющее)², но я глубоко уверен, что многие страницы «Исповеди» переживут и автора ее, и самых юных ее читателей.

Посылаю Вам критические заметки о вашей повести «Мать» цензурного ведомства³. По-моему, оно верно оценило ее силу и значение для рабочего движения.

Из-за них, заметок этих, я задержался со своим письмом: только на днях получил копию.

Крепко обнимаю Вас, хороший Алексей Максимович, и шлю низкий поклон Марье Федоровне.

Роза Гавриловна⁴ сердечно приветствует вас обоих.
Преданный весь Вам

О. Грузенберг

Р. С. Ко мне обратились с просьбою защищать Арцыбашева за или от Санина⁵. Не знаю — как быть?

— Как вы скажете?

— Протелеграфируйте мне: СПбург, Бассейная 7.

Так поступлю, как скажете.

В конце письма помета Горького красным карандашом: «Отвечено».

¹ Повесть была закончена в первых числах марта 1908 г., вышла в свет летом того же года в изд. Ладыжниковца и почти одновременно в XXIII сб. «Знания» за 1908 г.

² Сложное по содержанию произведение Горького сразу же вызвало противоречивые отзывы. Некоторые критики подняли на щит «богостроительские» тенденции, сказавшиеся в повести, выдавая их за «обновление» творчества писателя, отход от революционных позиций. Однако многие из подобных критиков были смущены демократизмом произведения, не находя ему объяснения со своих позиций. Утверждая, что в повести слышатся «фальшивые ноты», И. Н. Игнатов в ст. «Литературные отголоски» недоумевал: «...широкое, всеобъемлющее учение сводится к необыкновенно узкому заключению: возвращайся к работе в рабочих организациях „всемирного богостроительства ради“» (Рус. ведомости. 1908. № 173. 26 июля). Н. Курбский в ст. «Две исповеди. (Новые произведения М. Горького „Исповедь“ и „Жизнь ненужного человека“)», наоборот, увидел в произведении поиск социальной правды, противопоставленный религиозным исканиям: «...в ранней молодости, переживая пору религиозных исканий, будущий писатель сам исходил немало монастырей, вел беседы о вере с сотней сведущих и на то поставленных людей. И везде с мукой душевной в ответ на свой духовный голод находил одну пустую мякину. Переживает эти муки и Матвей и после монастырей идет на завод, где ставит крест над религиозными исканиями и начинает искать правды социальной...» (Рус. слово. 1908. № 146. 25 июня).

³ Грузенберг послал Горькому копию «Дела № 385 Главного управления по делам печати», в составе которого было отношение С.-Петербургского комитета по делам печати от 3 августа 1907 г., направленное прокурору С.-Петербургской судебной палаты, в котором на основании пространного доклада цензора Федорова, подробно разбирающего повесть и демонстрирующего на конкретных примерах «крамольный» смысл ее сцен и образов, обосновывалось наложение ареста на XVI и XVIII сб. «Знания», содержащие главы произведения, и предписывалось возбудить судебное преследование против автора и лиц, виновных в напечатании его (АГ). См. также 8, 438—440.

Дело это было послано Горькому по его просьбе. См. п. Г. Ф. Вебера Пятичкуму от 26 июня 1908 г. (АГ).

⁴ Роза Гавриловна — жена Грузенберга.

⁵ Против кн. М. П. Арцыбашева «Санин» в связи с выходом в свет второго издания романа (1908) было возбуждено судебное преследование по статье о порнографии.

3. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Капри. 8/21 сентября 1908 г.)

Дорогой Оскар Осипович!

Удивили Вы меня вашим вопросом — защищать ли Арцыбашева?

Мне кажется, что в данном случае — нет вопроса: на мой взгляд, дело не в том, что некто написал апологию животного начала в человеке, а в том, что глупцы, командующие нами, считают себя вправе судить человека за его мнения, насиловать свободу его мысли, наказывать его — за что?

Что такое — писатель? Тот или иной строй нервов, так или иначе организуемый давлением психической атмосферы, окружающей его. Человек наших дней мучительно беззащитен от влияний среды, часто враждебных ему, — беззащитен, потому что психически беден, бессилен. Подбор впечатлений, западающих в душу — вместилище опыта, — не зависит от воли Арцыбашева, Тимофеева¹, Иванова². Тимофеев, быть может, очень целомудренный и чистый парень, но количество и качество воспринятых им наблюдений над действительностью невольно заста-

вит его избрать героем своим Дю-Лю³. И очень возможно, что Санин противен Арцыбашеву не менее, чем мне. Может быть, Санин плохо изображен,— но можем ли мы утверждать, что он выдуман?

Вы извините меня за грубое сравнение, но — многое в современной литературе похоже на рвоту. Люди отравлены впечатлениями бытия и — хворают. У огромного большинства ныне пишущих не достаточно развит, — а у многих и совершенно не развит, — способность организма к сопротивлению социальным ядам, проникающим в него. Психика — неустойчивая, всегда тревожно колеблющаяся. Прибавьте к этому впечатлительность, почти болезненно повышенную, и полное отсутствие того корректива, который способен произвести внутри, в мозгу писателя, работу отбора впечатлений, организацию их. Мне кажется, что этот корректив — ощущение мира как процесса активного, динамического, процесса, в котором все временно, только движение вечно. Знаю, есть люди, утверждающие, будто движение это — бессмысленно, оскорбительно для гордости человеческой, — но знаю также, что всего менее истинно человеческой гордости именно у тех, кто о ней говорит часто и громко. А для меня жизнь полна смысла, — она великолепнейший процесс накопления психической энергии, — процесс очевидный, не отрицаемый и, может быть, — способный даже мертвую материю превратить в чувствующую и мыслящую.

Но — мои взгляды излишни в данном случае, и я извиняюсь, что сбился с линии. Ваш вопрос, повторяю, удивил меня очень, — в нем слишком громко звучит для моего уха то печальное разобщение людей, та психическая разбитость, отчужденность, которая и губит столько в наши боевые дни.

И еще раз — извиняюсь, но должен сказать, что мы поступили бы разумнее и красивей, — если бы объединялись на защите одного из наших — Арцыбашева, как в данном случае, или кого-либо иного, все равно! Наш враг — пошлость, в которой вязнут наши ноги по колена и которую так усердно и умно разводят в жизни те, кому пошлость необходима, как грязный ров, преграждающий доступ в крепость их.

Процесс против Арцыбашева — пошел и нагл, как все эти так называемые «литературные» процессы.

Спасибо Вам за доклад о «Матери»⁴. Он мне показался очень глупым, — да не обидятся люди из комитета глупостей по делам печати.

Но в этом есть и нечто досадное для меня: обращая на меня столь часто свое внимание, все эти начальства сильно способствовали моей т. н. «популярности», продолжают способствовать и теперь. Это мешает жить, как, напр., мешают блохи, москиты и иные насекомые. Не думайте, что я рисуюсь, но неприятно, когда о человеке пишут в газетах. По-моему, это допустимо лишь в тех случаях, когда трамвай сломает тебе ногу, или ты кончишь самоубийством, или публично поцелуешь незнакомую даму без ее разрешения.

Ну, вот сколько я наболтал! Вы, однажды, жаловались, что не пишу — вот вам!

Розе Гавриловне мой сердечный привет. М<ария> Ф<едоровна> — кланяется.

Жму вашу руку. И очень благодарю.

На днях здесь был Буренин, много говорили о вас⁵.

Всего доброго!

А. Пешков

Печатается по первой полной публикации в кн. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 225—227) с исправлением двух опечаток по машинописи и кн. Грузенберга «Вчера». На с. 1001 строка 19 печатается: «процесс очевидный, не отрицаемый» вместо «процесс очевидный, не отрицательный»; здесь же строка 50: «говорили» вместо «говорила».

Датируется по воспоминаниям Грузенберга «О Максиме Горьком» (АГ), публикации в газ. «Последние новости» (Париж, 1936, № 5601, 25 июля).

¹ Борис Александрович Тимофеев — писатель, медик по образованию, автор повести «Сухие сучки», которую Горький рекомендовал в 1912 г. к напечатанию в журн. «Современник».

² Трудно сказать, кого подразумевает Горький в данном случае; скорей фамилия «Иванов» употреблена им отвлеченно-символически, без ориентации на конкретную личность.

³ В воспоминаниях Грузенберга имеется подстрочное примечание: «Дю-лю — герой разбиравшегося в Петербурге процесса о совращении малолетних» (АГ). О «чиновнике Дюлу, изнасиловавшем десяток малолетних девушек» Горький упоминает позднее в обращении «Внимание культурных людей» (1910) (Арх. Г. Т. XIV. С. 65).

⁴ См. п. 2, прим. 3.

⁵ Николай Евгеньевич Буренин (1874—1962) — в период революции 1905—1907 гг. входил в боевую техническую группу при ЦК РСДРП, в 1906 г. по поручению большевистской партии сопровождал Горького в Америку.

Буренин гостил у Горького на Капри в августе 1908 г., вскоре после освобождения из «Крестов», куда был заключен в июле 1907 г. по обвинению в хранении нелегальной литературы и оружия. «Если будут судить, — зовите Оскара Осиповича Грузенберга», — писала Буренину М. Ф. Андреева (АГ). Буренин последовал этому совету, идущему, видимо, от Горького. Грузенберг сумел добиться его оправдания и освобождения. См.: Буренин Н. Е. Памятные годы: Воспоминания. Л., 1967. С. 209, а также воспоминания Грузенберга «О Максиме Горьком» (АГ). Ок. 9/22 апреля 1908 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Вчера, после 10 месяцев заключения в Крестах, оправдан судом Евгений» (Арх. Г. Т. IX. С. 50).

4. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 12(25) сент(ября) 1908 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо ваше опоздало — и я этому рад.

За три дня до получения его я отказал Арцыбашеву — и отказал мотивированно: я не сочувствую «Санину» — ни как герою, ни как книге, хотя она, местами, талантлива.

Я это сделал не наобум: прочел внимательно эту книгу и подумал над нею¹.

Я не могу согласиться с вашей точкой зрения, так как она — вне поля обсуждаемого вопроса.

Не в том дело — право ли правительство, возбуждая против него дело, а прав ли Арцыбашев, кичливо воспевая безбилетного пассажира, который прыгает из поезда — вовсе не навстречу восходящему солнцу, а спасаясь от контроля. Конечно, ему и не жаль бросить свой чемоданчик: ведь он, как удостоверяет и сам Арцыбашев, совершенно пустой².

Моя защита по политическому или литературному делу не есть профессиональный акт, а общественный факт. Если среди них, защит этих, есть дела, которые красят мою репутацию, то немало таких, которым я даю репутацию. И мне было бы тяжело, если бы в известной части общества «Санин» получил лишний шанс на распространение благодаря тому, что я прикрыл своим именем его антиобщественность и пошлость³. Зачем (высокая плата в таких делах не может иметь для меня значения), зачем я отдам свои нервы, страсть и умение на защиту того, что во мне самом вызывает отвращение? Черт с ними, с этими певцами желудочно-половой поэзии.

Кстати, к характеристике Арцыбашева. На другой день после моего отказа является ко мне Петр Пильский; просит взять дело по обвинению Арцыбашева в клевете. Арцыбашев, недовольный критикой Пильского, особенно — лекционной, пустил про него слух о шантаже⁴. Дела этого я не принял, направил Пильского к другим коллегам, но хорош романист, так реагирующий на неприятную критику.

Всего доброго! Сердечный привет Марье Федоровне и Вам от Розы Гавриловны и меня, Марьей Федоровною столь нелюбимого.

Преданный Вам искренно

О. Грузенберг

¹ В воспоминаниях Грузенберг рассказывает: «Пока обернулись наши письма, я успел ознакомиться и с романом „Санин“, и с его автором поближе. Арцыбашев оттолкнул меня своим самодовольством и нелепой кичливостью, что он — не русский, а татарин, что не любит России (не любишь, — зачем живешь в ней и кушаешь хлеб!). Раз, неизвестно для чего, обнажил руку и показал мне замысловатую татуировку.

Я ответил Горькому, что согласиться с ним не могу, что правительство тут ни при чем, ибо вопрос идет не о свободе творчества, а о свободе опубликования всякой пакости, что у меня от последней строчки „Саннина“ („Он выпрыгнул из вагона навстречу восходящему солнцу“) заняли даже вставные зубы. Прыгать из вагона на ходу поезда, навстречу восходящему солнцу, ему не было надобности: выпрыгнул же он как безбилетный (во всех смыслах) пассажир, заприметивший приближение контроля. Я считал себя тем более вправе уклониться от чести защиты „Саннина“, что при объяснении с прокуратурой я указал на невозможность для нее постановки этого процесса, так как она не возбуждала преследования в то долгое время, когда этот роман печатался в журнале, — стало быть, Арцыбашев вправе будет предъявить иск об убытках. Не знаю, подействовал ли этот аргумент или какое другое соображение, но преследование было прекращено, а книга освобождена и без меня» (АГ).

² Грузенберг говорит о заключительных страницах романа Арцыбашева (*Арцыбашев М. Санин*. 2-е изд. СПб.: «Жизнь», 1908).

³ Текст письма со слов: «не есть профессиональный акт» — до слов: «его антиобщественность и пошлость» — подчеркнут Горьким на полях красным карандашом. Этим же карандашом Горький дополнительно подчеркнул слова «что я прикрыл своим именем его антиобщественность и пошлость».

⁴ О романе Арцыбашева П. Пильский опубликовал ст. «Половая провокация» (см. в сб.: *Данилин Я. Санин в свете русской критики*. М.: кн-во «Заря», 1908. С. 62—69). Видимо, лекции Пильского развивали положения этой статьи.

Критикуя Арцыбашева, Пильский выступал и против произведений прогрессивной направленности. Горький в письме Ляцкому назвал его «провинциальным словотеком».

5. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

(Владикавказ. 9/(22) января 1909 г.)

Дорогому Алексею Максимовичу сердечный привет.

Перед отходом вчера ночью поезда из Тифлиса взобрался на гору Давида¹ поглядеть на огни города. Встретил князя Чакро. Он разжился, открыл духан — и в святой честности своей стыдится недоразумения с вашими вещами. Он винит вашу нетерпеливость: «Гордый», — говорит он про Вас. — «Я пришел, а он... ушел». Простите его².

Сердечный привет Марье Федор(овне).

Ваш О. Грузенберг

Датируется по почт. шт.

¹ Гора Давида (по-грузински — Мтацмидза) — вершина, доминирующая над городом Тбилиси, откуда открывается вид на город и Кавказский хребет. На ее склоне находится Пантеон — место захоронения А. С. Грибоедова и многих выдающихся деятелей Грузии.

² Чакро (точнее: Шахро) — герой рассказа Горького «Мой спутник», прототипом которого был некий Цулукидзе. См. о нем I, 539—540.

6. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Капри. 20 ноября/3 декабря 1909 г.)

Вы оказали бы мне большую услугу, если бы согласились поговорить с Б(ельгардом)¹ относительно «Лета»². Прошу Вас, Оскар Осипович, помочь провести эту повесть и сборник. Буду очень благодарен. Привет.

Печатается по копии, приведенной в п. Пятницкого С. П. Боголюбову от 20 ноября/3 декабря 1909 г., в котором говорится: «А<лексей> М<аксимович> посылает сейчас телеграмму Грузенбергу». Далее Пятницкий воспроизводит текст телеграммы.

Датируется по этому же письму. Та же дата указана в Дн. Пятницкого (АГ).

¹ Алексей Валерианович *Бельгард* (1860—?) — начальник Главного управления по делам печати.

² Повесть Горького «Лето» была помещена в XXVII сб. «Знания». По сравнению с изданием Ладыжникова в тексте повести для сборника были сделаны некоторые изъятия по соображениям цензурного характера, однако опасность цензурного запрета оставалась актуальной и внушала большие опасения. В п. от 31 октября 1909 г. Боголюбов сообщал на Капри Пятницкому: «Советовался с О. О. Г<рузенбергом>. Поставил на вид, насколько важно для меня пропустить очередной сбор<ик> <...> О. О. пришел к одному только заключению: необходим предварительный просмотр» (АГ).

Грузенберг взялся переговорить с сенатором А. В. Бельгардом, однако потом свое намерение изменил, объяснив это Боголюбову так: «(Бельгард) может сказать — лучше не печатайте — как поступить против предрежденного?» (АГ). 20 ноября Боголюбов послал на Капри телеграмму: «Оскар не сделал обещанного опасность остается надо представить 27<-й сборник> сегодня» (Там же).

В этот же день с Капри была отправлена настоящая телеграмма Грузенбергу. А 26 ноября Боголюбов сообщал в ответной телеграмме о результате действий Грузенберга: «Сейчас разрешен полностью 27 сборник» (АГ). В тот же день телеграфировал на Капри и сам Грузенберг. См. п. 7.

В п. от 28 ноября Боголюбов писал Пятницкому: «После телегр<аммы> Ал<ексея> М<аксимовича> Грузенберг ездил к Б., сделал, что надо. Его надо благодарить» (АГ).

В «Книге записи корреспонденции» Пятницкого 27 ноября помета: «Горький Грузенбергу тел<еграмма>» (АГ). Текст телеграммы Горького, как можно предположить — благодарственный, не приведен.

О своем посещении Бельгарда Грузенберг рассказывает в воспоминаниях, ошибочно приписывая его хлопотам в связи с арестом повести «Мать». См. п. 8, прим. 1.

7. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 26 ноября (9 декабря) 1909 г.⟩

Все сделано. Разрешено¹ привет.

Грузенберг

Печатается по тексту телеграммы на бланке с записью латинскими буквами. Датируется по времени отправления из Петербурга.

На телеграмме помета Пятницкого: «Пол<учено> 27 ноября 1909 г.»

¹ См. п. 6, прим. 2.

8. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

⟨Капри. 2/15 декабря 1909 г.⟩

Дорогой Оскар Осипович!

Примите сердечное, искреннейшее спасибо¹. Я думаю, что «Мать» — по тону ее — вещь своевременная² и, может быть, десяток-другой людей, прочитав эту вещь, — вздохнут полегче. Мне хотелось бы, чтобы такие люди, — если они улыбнутся, — знали о вашей доброй помощи им в то тяжкое время, когда всем живется грустно. Проще говоря, — моя задача поддержать падающий дух сопротивления темным и враждебным силам жизни, и вы помогли мне осуществить это. Я высоко ценю вашу помощь, крепко, дружески и благодарно жму вашу руку.

Поклон и почтение супруге вашей, всех благ и — главное — доброго здоровья вам.

А. Пешков

Печатается по первой полной публикации в кн.: *Грузенберг О. О. Очерки и речи*. С. 227—228.

Датируется по этой же публикации, а также по публикации в кн. Грузенберг, «Вчера. Воспоминания» (С. 191—192).

¹ В воспоминаниях Грузенберг так рассказывает о предыстории этого письма: «Не успела эта повесть „Мать“ увидеть свет, как на нее был наложен цензурный арест, подтвержденный немедленно определением суда, с привлечением Горького в качестве обвиняемого. Жаль было этой хорошей книги — и я (...) отправился в Главное управление по делам печати, к шефу этого управления сенатору Бельгарду (...) Изложил свой взгляд на эту книгу как на хорошую и отнюдь не подпадающую под уголовный закон. Бельгард ответил мне, что он этой книги не видал, так как наложением ареста ведаёт Цензурный комитет, а не Главное управление по делам печати; он обещал ознакомиться с этой книгой лично, и если мой отзыв о ней подтвердится, то он, конечно, не станет губить ни хорошей книги, ни авторского труда. При мне он распорядился о доставлении ему на дом повести „Мать“. Я зашел к нему дня через три, и он обрадовал меня словами: „Я уже отдал распоряжение Цензурному комитету освободить эту книгу“.

От него я заехал к прокурору суда С. Н. Трегубову, причастному к науке и литературе, и попросил его отказаться с своей стороны от ведомственного самодурства и признать ошибку одного из его товарищей. Трегубов так и поступил» (АГ).

Несомненно, что в воспоминания Грузенберга закралась какая-то ошибка, легко объяснимая тем, что они писались много лет спустя после упоминаемых событий. В действительности «Мать» не освобождалась из-под ареста и дело о ней тянулось вплоть до 1914 г. включительно, когда последовал приговор об уничтожении XVI и XVIII сб. «Знания», где печатались соответственные главы повести.

Есть основания полагать, что описанные Грузенбергом посещения Бельгарда и Трегубова связаны не с «Матерью», а с повестью Горького «Лето» и имели место в ответ на просьбу Горького (см. п. 6). Что касается настоящего письма Горького, то благодарность писателя была вызвана другими причинами, о которых можно лишь предполагать, так как письмо Грузенберга, на которое отвечает Горький, не разыскано.

После того как в августе 1907 г. постановление об аресте сб. XVI и XVIII утвердила Петербургская судебная палата, дело должно было подвергнуться судебному разбирательству. Обладавший большим юридическим опытом, Грузенберг сумел на долгий срок оттянуть судебное дело. 13 октября 1907 г. С. П. Боголюбов сообщал на Капри: «Только что вернулся от О. О. Г(рузенберга) <...> Ручается, что дело затянется на 3—4 месяца, а может быть, и на 1/2 г. (берет меньшее)» (АГ). Дело было затянuto на значительно больший срок. В начале января 1909 г. закончилось следствие по делу о привлечении Горького к судебной ответственности (см. сообщение в газ. «Руль» (1909, № 5, 5 янв.), а также п. К. П. Пятницкого Горькому от 22 февр. 1909 г. (АГ). Однако отсутствие Горького явилось причиной новой отсрочки, которая длилась до осени 1909 г., когда возникли внезапные осложнения, что отчетливо прослеживается в переписке Боголюбова с Пятницким, находившимся на Капри.

5 октября 1909 г. Боголюбов сообщал: «От мин(истерства) юстиции последовало распоряжение вновь приняться за литературные дела прошлых лет, чтобы энергично закончить их к новому году <...> Был спрос со стороны нов(ого) судебного следователя, через полицию, и о наших делах» (АГ). В п. от 31 октября сообщает о новом постановлении: «С отсутствующим, живущим за границей издателем решено вовсе не считаться, а искать ответствен(ных) лиц или здесь, или все обвинение рушится на типографию. Я теперь предупрежден об этом» (Там же).

Пятницкий в п. от 13/26 октября 1909 г. отвечает: «...прошу Вас сообщить о запросе О. О. Грузенбергу» (Там же). 8/21 ноября 1909 г.: «Еще до моего отъезда Грузенберг сообщил мне, что ему удалось найти Сенатское решение, разъясняющее, что при настоящих условиях типографию привлекать нельзя».

Видимо, Грузенбергу удалось вновь отвести грозивший удар.

Можно думать, что Горький благодарит юриста за все, сделанное им в течение более чем двух лет (с сентября 1907 г.; ранее, в момент ареста книги, Грузенберг был за границей) для спасения произведения, в том числе и за редактуру второй части его (в XIX, XX, XXI сб. «Знания»), которую Грузенберг проделал по просьбе Горького с целью изъятия опасных в цензурном отношении мест, благодаря чему произведение смогло выйти в свет, хотя и в урезанном виде. См. об этом: *Касторский С. В.* «Мать» М. Горького: Творческая история повести. Л., 1940. С. 24—25.

² Ср. с отзывом В. И. Ленина, приведенным Горьким в очерке «В. И. Ленин» (20, 9).

9. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

10 (23) дек(абр) 1909 г.

Дорогой Алексей Максимович,—

мне переслали Ваше письмо. Напрасно благодарите: оказать услугу Вам — для меня глубокое удовольствие.

Я крепко и верно люблю Вас и как человека, и как писателя. Стало быть... вывод ясен сам собою.

Мне непонятна след(ующая) фраза из Вашего письма:

«Мне хотелось бы, чтоб такие люди (читатели), если они улыбнутся, знали о вашей доброй помощи им в то тяжкое время, когда всем живется грустно».

Если это значит, что Вы хотите мне посвятить этот рассказ,— то я, конечно, могу только радоваться такому «подарку»¹.

Если же это значит, что надо сообщить о моей услуге «печати», то в последнюю попадает лишь то, что творится мною публично, во всеуслышанье.

Надеюсь, что Вы не имели в виду публикацию моей услуги.

Как ваше здоровье?

Доходящие до меня вести о нем крайне тревожны. Прошел ли бронхит?

Крепко обнимаю Вас и шлю наилучшие пожелания.

Ваш О. Грузенберг

Мой сердечный привет Марье Федоровне и Константину Петровичу².

Р. С. Что бы там ни писали гг. газетчики³, «Лето» мне очень нравится.

¹ Поверх фразы: «Если это значит, что Вы хотите мне посвятить этот рассказ,— то я, конечно, могу только радоваться такому „подарку“» — Горький поставил красным карандашом вопросительный знак.

² С сентября 1909 г. Пятницкий жил на Капри.

³ Повесть Горького «Лето» была встречена большинством критиков недоброжелательно.

10. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

«Харьков. 18 (31) мая 1910 г.»

Вот уж второй день читаю в поезде про Матвея Кожемякина¹... И сказать невозможно, как хорошо. Вас нет — и я обглаживаю вместо Вас серые странички книги и все говорю: славно! Особенно про Волгу: ничего подобного по напряженности любовной тоски по родном — не читал².

Обнимаю Вас.

О. Грузенберг

Привет Марье Фед(оровне) и Пятницкому.

Датируется по почт. шт.

¹ Грузенберг в это время мог читать только первую часть хроники «Жизнь Матвея Кожемякина», законченную Горьким в марте и появившуюся в печати в мае 1910 г. в XXX и XXXI сб. «Знания».

² Имеется в виду рассказ Савелия Кожемякина о Волге (10, 143—144). 30 марта /12 апреля 1910 г. Горький перепечатал этот рассказ и, озаглавив его «Волга», послал Е. П. Пешковой для сына Максима. «Максиму посылаю,— писал он ей,— отрывок из новой повести о Волге, которую он, конечно, забыл» (Арх. Г. Т. IX. С. 89).

11. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Капри. 9/22 сентября 1910 г.)

Дорогой Оскар Осипович!

Не будете ли Вы любезны взять на себя ведение дела по взысканию с гг. Дмитрия и Всеволода Протопоповых их долга мне¹. Сумма долга, вероятно, превышает десять тысяч (10000) рублей, с % %, оговоренными условием², — больше.

Если Вы согласны вести это несложное дело — г.г. Протопоповы признают долг, что засвидетельствовано их письмами, — будьте добры телеграфировать мне об этом³, я немедленно вышлю мою переписку с Протопоповыми⁴ и распорядюсь, чтобы контора «Знания» доставила Вам копию моего условия с ними.

Гонорар Вы назначите сами — сообразно Вашим нормам.

Прошу Вас также прислать мне, в случае согласия Вашего, печатный текст доверенности, кою я должен Вам выдать, и указать мне порядок засвидетельствования ее. Каприйский нотариус, по моей просьбе, наводил справки и говорит, что, если он засвидетельствует мою подпись, а русский консул — его удостоверение, — доверенность будет вполне законной.

Я был бы очень рад и весьма благодарен Вам, если бы Вы взяли на себя это дело или передали его одному из Ваших помощников.

По условию, как Вы это увидите, гг. Протопоповы должны были уплатить мне деньги четыре года тому назад⁵.

Желая Вам всего доброго, крепко жму руку.

Печатается по машинописи из личного архива Горького, видимо, копии, оставшейся у писателя после отсылки письма.

Датируется по первой публикации в кн. О. О. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 228—229), с исправлением года написания (в книге датировано 1913 г.), и ответной телеграмме Грузенберга.

¹ Дмитрий Дмитриевич и Всеволод Дмитриевич Протопоповы — литераторы, Д. Д. Протопопов — земский деятель, член I Государственной думы от Самарской губернии.

До осени 1902 г. братья Протопоповы были пайщиками книгоиздательского т-ва «Знания». Продав свой пай Горькому, они согласно договору (заключенному 9 окт. 1902 г.) сохранили свое право на пользование ассигновкой, которая — по законам, установленным т-вом, — выдавалась на производство книг фирмой «Знание» каждому участнику т-ва на определенное время и в определенном размере. Книги, издаваемые Протопоповыми, в это время находились на складах, арендуемых «Знанием», и в производстве. Согласно договору к 1908 г. Протопоповы обязаны были возвратить ассигновку с соответствующими процентами в кассу т-ва, что ими сделано не было. Кроме того, к долгу прибавились «переборы» ассигновок, т. е. использование сумм сверх договоренных.

Как выясняется из п. Пятницкого Д. Д. Протопопову от 21 февраля и 7 марта 1914 г. (АГ), ассигновку выдали Протопоповым из основного капитала т-ва, и потому Протопоповы были должниками кассы «Знания», а не лично Горького. «Но так как», — пишет Пятницкий Д. Д. Протопопову, — поводом к образованию Вашего долга послужило соглашение между Вами и А. М. Пешковым, мне показалось справедливым, чтобы первое напоминание об уплате долга кассе т-ва исходило именно от А. М. Пешкова» (Там же).

² Имеются в виду договоры, заключенные между Горьким и братьями Протопоповыми 9 октября 1902 г. при передаче последними своего вклада в «Знание». В АГ хранится копия договора между Горьким и В. Д. Протопоповым. Договор с Д. Д. Протопоповым имел, по-видимому, аналогичный характер, отличаясь лишь цифрами ассигновок и некоторыми другими конкретными данными.

³ См. п. 12.

⁴ Первое напоминание о долге Протопоповым было сделано Горьким 11/24 января 1910 г. Сохранилось п. В. Д. Протопопову, известное в копии Пятницкого (АГ). Другие письма не разысканы. Однако из записей Пятницкого, писем его и Горького С. П. Боголюбову известно, что они существовали. Так, 11/24 января Горьким было послано письмо не только В. Д., но и Д. Д. Протопопову, что видно из п. Горького Боголюбову, написанного в этот же день. «Многоуважаемый Семен Павлович», — пишет Горький, — прилагаемые письма прошу прочесть и затем переслать Всеволоду Дмитриевичу Протопопову и Дмитрию Дмитриевичу Прото-

попову. Из писем увидите, в чем дело. Вопрос Вам известен. Уполномочиваю Вас произвести расчет с гг. Протопоповыми, получить сумму перебора, проценты и внести все это в кассу „Знания“ (Там же).

В марте в «Книге записи корреспонденции» Пятницкий помечает: «Горьким посланы через С. П. еще по п. Д. Протопопову, В. Протопопову» (Там же). Это подтверждается и п. Горького Боголюбову от 12/25 марта 1910 г., в котором говорится: «Два месяца с лишком прошло с тех пор, как я просил Вас передать гг. Протопоповым мои письма к ним, а господа эти мне не ответили еще.

Оставим в стороне вопрос о том, насколько это вежливо и корректно с их стороны по отношению ко мне.

Я попрошу Вас передать прилагаемые письма гг. Протопоповым, надеясь, что они ответят мне все-таки.

С Ваших слов я знаю, что В. Д. говорит о некоем тормозе, якобы затрудняющем для него расплату со мной. Будьте добры сказать ему, что я, с своей стороны, никаких „тормозов“ не вижу и не могу принять: мною все условия по договору точно выполнены; гг. Протопоповы должны выполнить свои обязательства по отношению ко мне и кассе „Знания“ (Там же).

Следующие напоминания были сделаны Горьким 22 апреля/5 мая, 30 июня/13 июля и 29 августа/11 сентября 1910 г. (АГ). В Дн. Пятницкого — запись 30 июня /13 июля 1910 г.: «Пишу для Г(орького) черновики писем к Прот(опоповым)».

Ответы Протопоповых также не разысканы. Однако из черновиков Пятницкого и других материалов выясняется, что существовало три ответа Горькому от Д. Д. Протопопова (об одном из них см. в п. Горького Пятницкому от 8—9/21—22 апреля 1910 г.//Арх. Г. Т. IV. С. 272), один от В. Протопопова. Видимо, вся переписка была переслана Горьким Грузенбергу. См. п. 13.

⁵ Не совсем точно. В 3 пункте соглашения Горького с В. Д. Протопоповым говорится: «К 1908 году ассигновка возвращается в кассу т-ва сполна» (АГ).

12. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

«Петербург. 14/27 сентября 1910 г.»

Согласен

Грузенберг

Датируется по почт. шт.

13. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

«Капри. 14/27 сентября 1910 г.»

Дорогой Оскар Осипович!

Я очень рад, что вы взяли на себя ведение дела с Протопоповыми и сердечно благодарю вас.

Посылаю письма Протопоповых¹, — из них вы увидите, что эти господа держались по отношению ко мне не очень корректно.

Договор с ними² вам передаст С. П. Боголюбов, он же сделает все расчеты, о чем ему написано³.

Усердно прошу вас дать делу по возможности быстрый ход. Может быть, к делу этого типа применимо предварительное исполнение?

Читали вы комедию Жаботинского «Чужбина»? Превосходная вещь, и вообще Жаботинский удивительно интересный, умный, искренний человек в своих трудах⁴.

Комедия его взволновала меня — отчаянно, и я всем рекомендую ее как образец искренно написанной книги.

Желаю вам всего хорошего!

А. Пешков

Датируется как ответ на телеграмму Грузенберга от 14 сентября 1910 г. Написано, по-видимому, в тот же день, что и п. С. П. Боголюбову (см. ниже). На автографе помета Грузенберга (?) «20-го сентября» — по всей вероятности, дата получения письма. В кн. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 229) ошибочно датировано 1913 г.

¹ См. п. 11, прим. 4.

² См. п. 11, прим. 2.

³ Боголюбову были отданы соответствующие распоряжения в день получения телеграммы от Грузенберга. В «Книге записи корреспонденции» под датой «14 сентября 1910 г.» Пятницким помечено: «С. П. Богол(юбову) № 152: Как изготовить для Груз(енберга) расчеты по делу с Протопоп(овыми). Зак(азное)» (АГ). В этот же день Горький писал Боголюбову: «Усердно прошу вас передать Оскару Осиповичу Грузенбергу мой договор с Протопоповыми, а также дать ему все те справки и цифры, какие он признает нужным иметь для предъявления иска к Протопоповым».

Я нахожу, что почтенные братья вели себя по отношению ко мне достаточно некорректно, и терпение мое иссякло. (...) Поторопитесь с делом Протопоповых! Я не смотрю на него, как на мое личное дело» (АГ).

20 сентября 1910 г. Боголюбов сообщил Пятницкому: «Сегодня получил Ваше письмо № 152 и письмо Ал. М. В обоих письмах говорится о деле Протопоповых (...) Я уже приступил к подготовке всех данных для О. О. Гр.» (Там же).

В АГ хранится ряд документов, подготовленных Боголюбовым и касающихся расчетов с В. Д. и Д. Д. Протопоповыми.

⁴ Впоследствии Горький изменил свое мнение о Жаботинском, причислив его к числу людей, искажавших и уродовавших русский язык (ст. «О языке», 1934) (XXVII, 168).

14. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Капри. 10/23 октября 1910 г.)

Дорогой Оскар Осипович!

На письмо Ваше ответил Константин Петрович — я уверен, что его подробный ответ облегчил Вашу задачу¹. Лично я в этом деле совершенно истукан, договора — не знаю, о том, что Протопоповы должны мне, осведомился год тому назад, писал им вполне корректно о необходимости уплатить деньги, а они, культурные люди, относились к моим посланиям небрежно и невежливо, как Вы видите из переписки. Говорю все это того ради, чтобы Вам было ясно: инициатором договора с Протопоповыми и человеком, знающим дело в подробностях, является Константин Петрович — ему и книги в руки; разумеется — я вполне согласен с его письмом.

Воротился я из поездки вчера², сейчас же подписал доверенность, теперь она странствует по инстанциям, на днях Вы ее получите³.

И это все, что я могу сказать по делу.

А теперь позвольте мне принести Вам мою искреннейшую благодарность за Ваше доброе отношение ко мне, — я его очень высоко ценю, и оно меня искренно трогает.

Вы спрашиваете, почему я не пишу Вам о себе, о своих настроениях? Причин по крайней мере три: как я мог знать, что мои «переживания» интересны Вам? Я не умею говорить и писать о себе без того, чтобы после каждой фразы не подумать — это не так сказано, не так написано. И наконец, — у меня просто нет времени заниматься своей персоной, да и не считаю я себя вправе занимать внимание других, — а тем более такого работника, как Вы, — своими личными делами.

Живу я — интересно; мне кажется, что интересно жить — моя привычка, привычка, самою природой данная мне. Вижу много чудесных людей, часто увлекаюсь ими, иногда наступают разочарования — тоску и — снова увлекаюсь, как женщина. Все больше и больше люблю Италию — страну великих людей, прекрасных сказок, страшных легенд, землю праздничную, благодатную, добрую к людям, люблю ее с тоской, с завистью и верю, что она медленно, но неуклонно шествует к новому Возрождению. Вот — только что был во Флоренции, Пизе, Лукке, Сиене и маленьких городах Тосканы, — благоговейно восхищался богатствами прошлого и, наблюдая дружную работу настоящего, думал о родных Кологривах, Арзамасах, о Пошехонье и других городах несчастной, ленивой, шаткой родины⁴.

Вы пишете: «Мне кажется, вам стало скучно». Жить — не скучно, но — невыносимо тягостно думать о России, читать русские газеты, жур-



«МАКСИМ ГОРЬКИЙ У СЕБЯ НА КАПРИ»

Шарж Моора (бумага, тушь, перо).

1910—1913

Музей Горького, Москва

налы, книги, безумно больно и обидно видеть, как мои духовно нищие соотечественники рждятся в яркие отрешья чужих слов, чужих идей, стараясь прикрыть свою печальную бедность, свое духовное уродство, свое бессилье и жалобную слабость духа. Четыре года длится маскарад побежденных⁵, четыре года недобитые люди, скрывая друг от друга свои раны и боли, притворяются веселыми людьми и, скрывая опухоль от пощечин, без числа полученных ими, надувают щеки и — свистят, вот где какие мы веселые, вот какие беззаботные! Видеть это — тяжело до бешенства. Но, разумеется, я знаю, что не все плохо, скажу даже, что я знаю это, как мне кажется, лучше многих, живущих на родине. Самообман? Нет, Оскар Осипович, обильная корреспонденция из всех щелей и ям России.

Я глубоко благодарен Вам за предложение Ваше похлопотать о моем возвращении⁶, я уверен, что Вам это несомненно удалось бы, но — не надо! Мне полезно побыть здесь, я по-прежнему учитьсЯ, и я по-прежнему учусь. У меня более трех тысяч книг, я читаю восемь газет, все журналы⁷ и не чувствую себя оторванным от родины. Около меня — хорошие

люди, мое уважение к человеку не падает, а растет, принимая все более ясные формы.

Нет, в Россию мне рано возвращаться. А если бы я этого хотел или если бы считал нужным для чего-нибудь, — я вернулся бы — в Иркутск, Архангельск, в тюрьму, если это угодно жалчайшему и бездарнейшему из правительств европейских⁸.

У меня много задач, может быть, они мелки, но — это мои задачи, и я их должен решить. Верю в себя, верю, что моя работа — полезна, а где работать — все равно! Я слишком русский, хорошо заряжен с юности, и пороха у меня хватит надолго, пусть могильщики зарывают меня живьем в землю, я все-таки до последнего дня буду говорить то, что считаю нужным. И, наконец, важно не то, как относятся люди ко мне, а только то, как я отношусь к людям.

Добрая и милая мысль хлопотать о моем возвращении в Россию внушена вам, вероятно, странной газетной заметкой⁹, в коей говорилось о моей якобы тоске по родине и о предпринятых мною «шагах к возврату в Россию». Это — выдумка, я, само собою разумеется, никаких «шагов» не предпринимал.

Затем, дорогой Оскар Осипович, желаю вам всего лучшего, желаю доброго здоровья, бодрости душевной и еще раз — спасибо вам!

Сердечно приветствую Розу Гавриловну¹⁰, поклон вашей дочке¹¹. М^ария Ф^едоровна и К^онстантин П^етрович просят поклониться вам, что и делаю с удовольствием.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Печатается по авторизованной машинописи. Со слов: «Добрая и милая мысль хлопотать о моем возвращении...» — написано от руки, подпись — автограф. По сохранившемуся черновику (АГ), с которого печаталась машинопись, исправлены опечатки: на с. 1010 в строке 49 печатается: «я все-таки» вместо «я все»; в строке 51 вставлено пропущенное местоимение «то».

Датируется по содержанию и по фразе: «Воротился я из поездки вчера»; Горький возвратился из поездки по городам Италии 9 октября 1910 г. См.: *Дн. Пятницкого*.

На машинописи помета Грузенберга (?): «18-го октября» — по всей вероятности, дата получения письма. В кн. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 230—232) ошибочно датировано 1913 г.

¹ Письмо Грузенберга не разыскано. Было написано, видимо, в самом конце сентября 1910 г. ст. ст. Ср. помету Пятницкого в «Книге записи корреспонденции» от 4/17 октября: «Приходят письма от Груз^енберга и Сем^ена П^авловича о предложении Вс. Прот^опопова». Ввиду отсутствия на Капри Горького, ответ был написан Пятницким 5/18 октября 1910 г. Отводя довод Протопоповых о том, что они отвечают за выданную им ассигновку только книгами, находящимися на складе «Знания», Пятницкий разъяснял Грузенбергу: «Т-во было, в сущности, союзом самостоятельных издателей. Каждый получал ассигновку из кассы и отвечал за нее не только изданными книгами, но и всем имуществом. Если моя книга приносила убыток, он не касался кассы; я обязан был принять его на себя; я должен был вернуть ассигновку полностью, покрывши недочет из личных средств [...] прибыль по удачным книгам точно так же поступала не в кассу, а в личное распоряжение товарища-издателя» (АГ). Затем Пятницкий переходил к разбору предложения, которое сделал Вс. Протопопов, заявив, что согласен уплатить свой долг, если ему будут выданы его книги. Основываясь на установлении т-ва, Пятницкий цитирует один из параграфов: «Книги считаются собственностью г.г. Протопоповых, но продаются исключительно через склад т-ва „Знание“. Во всяком случае, — утверждает он далее, — при выдаче книг должен быть выполнен ряд условий: 1) предварительная уплата всего долга, 2) снятие знаков фирмы „Знание“ с обложек и титулов книг, 3) внесение определенной платы за весь период хранения книг.

Словом, на книги г.г. Протопоповых падает некоторая доля расходов конторы и склада [...] Если г.г. Протопоповы потребуют больших уступок, нужно прекратить разговор о выдаче книг» (Там же). Сумма долга исчисляется Пятницким следующим образом:

«1) невозвращенный остаток ассигновки; 2) 4% на суммы, которыми пользовались на основании договора; 3) обычный процент на суммы, которыми пользовались вопреки договору — [...] 6% [...] Нужно прибавить к долгу сумму гонорара «адвокату»» (Там же).

Одновременно написав п. С. П. Боголюбову, Пятницкий излагал его краткое содержание в «Книге записи корреспонденции»: «3 пропуска в условиях Вс. Пр^отопопова: 1) гонорар адвок^ату 2) 6% за 1903—1907 3) проц^енты в пользу склада».

15/28 октября Боголюбов сообщил Грузенбергу:

«Вчера получил письмо К. П. Пятницкого. Он указывает, что я должен доставить Вам сведения о переборе по ассигновкам г.г. Протопоповых за 1903—1907 гг.

Контора ставила в счет каждого из них ежегодно % % только с ассигновки, на основании договора и дополнений к нему. О начислении % % на переборы ни в договоре, ни в дополнениях к ним ничего не говорится. Прилагаю:

- 1) счет В. Д. Протопопова на 1 окт. 1910 г.;
- 2) сведения о переборах по его ассигновке;
- 3) сведения о переборах по ассигновке Д. Д. Протопопова (счет послан Вам раньше)» (АГ).

² С 18 сентября/1 октября по 9/22 октября Горький путешествовал по Италии (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 150 и 153).

³ Речь идет о доверенности Грузенбергу на ведение дела с братьями Протопоповыми. В «Книге записи корреспонденции» Пятницкий помечал 16/29 октября 1910 г.: «Грузенбергу: 1) Полная доверенность» А. М. 2) Препровод^ительное письмо от меня» (АГ). В конце октября (первой половине ноября) Горький сообщил Е. П. Пешковой: «Наконец мне удалось послать доверенность Грузенбергу и — дело с Протопоповыми начато» (*Арх. Г. Т. IX*. С. 104).

⁴ В черновом автографе далее зачеркнуто: «Хорошо здесь! И — скажу не хвастаясь, — я здесь любим, меня везде встречают как своего [рабочие и дворяне], с чувством, которое я едва ли заслужил. Я не знаю страны более демократической, чем Италия, и не представляю демократизма более культурного и благородного, чем здесь» (АГ).

⁵ Горький имеет в виду отражение в литературе и искусстве политической реакции после подавления революции 1905—1907 гг.

⁶ В воспоминаниях Грузенберг рассказывает: «Я находил, что затянувшееся вследствие обострения туберкулеза пребывание Горького за границей тяжело отражается на его заслуженной репутации. Уехать надолго — развязать злых пахотельство. Затем и другое, еще более важное. Художнику слова нельзя долго оставаться вне родины: как бы ни был велик запас его сведений и впечатлений о родной стране, они никогда не заменят трения друг о друга боками. Я настойчиво стал звать его домой. Сначала Горький как будто согласился со мной <...> Совершенно неожиданно получаю от него через два месяца письмо о том, что он перерешил» (АГ). Грузенберг ошибся в хронологии писем Горького, считая п. 21 более ранним, чем настоящее.

⁷ В п. Боголюбову от 8/21 декабря 1909 г. Горький просит выписать на 1910 г. следующие газеты и журналы: «Современный мир», «Русское богатство», «Русскую мысль», «Вестник Европы», «Сатирикон», «Будильник», «Золотое руно», «Весы», «Речь», «Новое время», «Русское слово» (с журн. «Искры»), «Раннее утро», «Всеобщую газету» Брокгауза и Ефрона (Там же). Впоследствии список пополнялся новыми просьбами.

⁸ Далее в черновом автографе вычерк: «бездарнейшему и дикому. Поездка Столыпина — господа, что это за глупейший фарс!»

⁹ Может быть, имеется в виду ст. С. Мамонтова «У Горького на Капри», в которой утверждается: «Когда Горький говорит о России, в его грубом басы звучат удивительно нежные нотки. Видно, что Капри, несмотря на свою райскую прелесть, — все-таки клетка, которая не может заменить писателю далекой родины». Далее в статье говорится, что Горький «в конце концов сам с усмешкой заявил, что постепенно становится чуть ли не националистом» (Русское слово. 1909. № 117. 24 мая).

¹⁰ Жена О. О. Грузенберга.

¹¹ Софья Оскаровна Грузенберг, в замужестве Прегель (1892—1932).

15. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

«Капри. 9/22 ноября 1910 г.»

Прошу подождать письма по вопросу <о> выдаче книг¹.

Пешков

Печатается и датируется по рукописной копии Пятницкого в «Книге записи корреспонденции» с пометой «тел(еграмма)» (АГ).

¹ После получения октябрьских писем Пятницкого и Горького (см. п. 14 и прим. к нему) Грузенберг начал переговоры с братьями Протопоповыми. 30 октября им была дана телеграмма В. Протопопову в Москву: «Ответ Горького получен. Благоволите приехать для окончания дела. Телеграфируйте» (АГ). «По приезде его, — сообщал на Капри Боголюбов, — оба брата вызывались Оскаром» Осиповичем; каждый раз на совещаниях присутствовал и я. Окончательное решение по делу состоялось в субботу 6 ноября» (Там же).

Приняв большинство предъявленных к ним требований, Протопоповы настаивали на своем праве распорядиться по своему усмотрению изданными ими книгами, хранящимися на складах «Знания», и отказались платить за их хранение. О своем отношении к данному факту и последующих событиях Боголюбов в том же письме сообщал: «Ясно было, что наши настаивания на этих уплатах, не обусловленных договором, поведут к уничтожению мирного соглашения. Вот, — Оскаром Осиповичем и дано было распоряжение послать Вам телеграмму с кратким изложением результатов, какие достигнуты переговорами, и с просьбой — телеграфировать Ваше решение <...> Вчера О. О. познакомил меня с Вашим ответом — предлагаете отложить письма по поводу выдачи книг <...> Если <...> в письме Вы ставите непременно условием уплату процентов за остаток книг, то дело пойдет в суд <...> Итак, сегодня О. О. остался неуполномоченным принять заготовленные первые взносы Протопоповых. Всеволод сейчас же уехал в Москву. Дело затягивается» (Там же).

В АГ хранятся четыре почтовые квитанции от телеграмм, посланных Грузенбергом на Капри в течение ноября 1910 г.

22 ноября/5 декабря Пятницкий послал Боголюбову телеграмму: «Горький просит телеграфировать сколько саженей занимают книги обоих Протопоповых»

(АГ). Но и после ответа Боголюбова (там же) решение не было принято и обещанное в комментируемой телеграмме письмо Грузенбергу не послано. 3 декабря Боголюбов извещал Пятницкого: «Сегодня О. О. Гр. вызывал по телефону; говорил, что писал Вам; удивлен, что дело так и остановилось», — а 5 февраля 1911 г. констатировал: «... Вы не выполнили своей телеграммы, полученной О. О. в момент, когда дело считалось уже решенным: „обождите письма по поводу остатка книг“» (Там же).

16. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 16 (29) ноября 1910 г.

Дорогой Алексей Максимович, —

сперва о деле.

Сказать откровенно — не понимаю ни Вас, ни Константина Петровича. Зачем Вы осложняете то, что так просто, и лишаете себя возможности пользоваться теми суммами, которые уже давно могли быть Вам переведены полностью.

Приняв ваше дело с Протопоповыми, я тщательно изучил при помощи Семена Павловича все относящиеся к нему материалы, включая переписку.

В основу наших переговоров я положил след(ующее) решение: не уступать Протопоповым ни копейки из того, что с них можно получить по суду, хотя последний, вследствие обремененности делами сибургских судебных мест, отнимет в конечном счете не менее $2\frac{1}{2}$ лет.

По суду Вы не имеете никаких решительно прав —

1) ни на плату за хранение¹, так как об этом нет ни слова в вашем договоре, и дефект этот, при отсутствии ссылок хотя бы на свидетелей, ничем не поправим;

2) ни на % по переборам²; последние в договоре не предусмотрены и, представляя собою личное одолжение, не дают формального права на требования %: они, по общему правилу, не могут быть предполагаемы, а подлежат установлению.

Конечно, в мировых переговорах я поддерживал все ваши требования. В результате принята Пр(отопоповы)ми и 2-я статья (о % % на переборы) и притом в размере 6%, что дает Вам не менее одной тысячи рублей.

Плата за хранение ими безусловно отвергнута как никогда между Вами и не дебатировавшаяся.

Деньги в половинном размере они давно мне предлагали — и я, вследствие письма Константина Петровича³ и вашей телеграммы⁴, отказался принять... Для чего вся эта проволочка — не понимаю. По суду, через $2\frac{1}{2}$, а то и 3 года, с них присудят только то, о чем я Вам выше написал, и много шансов, что не присудят и % % на переборы (т. е. тысячи руб.).

Чем же Протопоповы рискуют? — Ничем. С них присудят несколько сот рублей издержек, но они их выгадают с лихвою на пользовании в течение этого срока спорными деньгами, а м. б., еще оттягут 1000 руб. процентов за переборы.

Итак, Вы сейчас получаете более, чем может Вам дать самое благоприятное судебное решение. Из этой же тысячи Вы покроете свои расходы на поверенного.

При такой ясности положения ни я, ни Семен Павл(ович) никак не можем догадаться — почему Вы отдалаете время получения денег.

Нет сомнения, что в своих уступках при переговорах (я разумею % % и краткие сроки) Протопоповы подчиняются чувству конфуза передо мною и нежеланию допустить огласку ваших взаимных недоразумений.

Один из Протопоповых дважды, по моему зову, приезжал из Москвы, бросая свои дела.

Не скрою, что, когда я передал ему ваше телеграфное распоряжение, он пришел в сильное раздражение и сказал: «Ну, хорошо, пускай их судятся».

Когда я сказал, что обещанное в телеграмме письмо все разъяснит, он заметил, что мои предположения что-то не оправдываются, и хотя в письме К. П. и говорится, что все предоставляется мне⁵ (я во время переговоров прочитывал Протопоповым надлежащие выдержки), но на самом-то деле это — не так.

Во всяком случае в наших переговорах наступил тот невыгодный для нас психологический момент, когда не они — меня, а я их конфужусь. Теперь о Вас.

В письме вашем о России⁶ много правды, но не вся. В области критики можно пойти еще дальше: больше всего меня пугает, что в ней много географии, но мало истории. И за всем тем — верите ли — я не могу представить себе разлуку с нею. Силен, значит, во мне этот ветхий человек, который, несмотря на жгучесть чувства обиды (за позор жидосостояния), все же любит и надеется.

Вы, по-видимому, победили этого ветхого человека. Рад за Вас, но боюсь: он лишь притих, чтобы потом сильнее взбунтовать.

Привет Марье Федоровне и Константин. Петр.

Письмо это покажите Константину Петровичу, ибо имею в виду вас обоих.

Ваш О. Гр.

¹ См. п. 14, прим. 1.

² См. п. 11, прим. 1; п. 14, прим. 1.

³ См. п. 14, прим. 1.

⁴ См. п. 15.

⁵ Говоря о начислении процентов с переборов ассигновки, Пятницкий пишет: «Конечно, если Вы решаете, что по этим суммам можно сделать уступку и ограничиться 4%, мы без оговорок следуем Вашему совету».

Возможно, что предоставление более полных полномочий Грузенбергу выражено Пятницким в письме от 16 сентября 1910 г. (не разыскано).

⁶ См. п. 14.

17. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

«Капри. 28 декабря 1910 г./10 января 1911 г.»

Дорогой Оскар Осипович!

Поздравляю с наступающим Новым годом, искренно желаю новых сил, здоровья, бодрости духа. Боюсь, — сердитесь Вы на меня за то, что я своевременно не ответил на ваше письмо¹, но — во-первых, был адски занят, во-вторых же — решение вопроса о сумме иска лежит не на мне одном. Мне очень противны гг. Протопоповы и возиться с ними не нахожу удовольствия, но — условия с ними заключал К. П. Пятницкий, и когда я сказал ему, что нужно взять с этих бар, что они дают, — он решительно высказался против². Ему и книги в руки. Вот как стоит дело.

Теперь, несколько освободясь от работы, я снова попытаюсь убедить К. П. согласиться с предложением Протопоповых³.

Засим — еще раз желаю вам всего лучшего и кланяюсь семье Вашей.

Печатается по первой публикации в кн. Грузенберга «Очерки и речи» (С. 232) с исправлением опечатки по машинописи (АГ); в строке 8 вставлено слово «нужно».

Фамилия «Протопоповы» в книге зашифрована одной буквой «П». Датируется по этой же публикации с исправлением года написания (в кн.: «1913 г.»).

¹ П. 16.

² Ср. запись в *Дн. Пятницкого*:

«21 ноября <4 декабря> 1910: Воскресенье <...> Горьким получено письмо Грузенберга. 22 ноября. <5 декабря>. После завт<ра>ка говорим о письме Грузенберга. Горький нервничает, почти не может слушать. Хочет уступить во всем. Мое мнение: сначала послать письмо, изложить мотивы нашей постановки» (АГ).

³ 18/31 января — 19 января/1 февраля 1911 г. Горький написал Пятницкому, находящемуся в Неаполе: «Сообщите, можете ли на этой неделе послать Грузенбергу объяснительное письмо, если нет — я телеграфирую ему, чтоб он принял предложенные Протопоповыми условия» (*Арх. Г. Т. IV. С. 272*).

18. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 7 <20> февр<аля> 1911 г.

Дорогой Алексей Максимович —

5-го февраля был у меня Семен Павлович с просьбой от вашего и Константина Петровича имени помочь в снятии ареста, наложенного Глав<ным> Управ<лением> по делам печати на книгу Кропоткина «В русск<их> и фр<анцузских> т<юрьмах>»^{*}.

Когда я указал Семену Павловичу, что можно аргументировать, что раз книга заарестована 28 декабря, то вопрос об утверждении ареста рассмотрен Судебной палатой не позже конца января, Семен Павлович показал мне письмо, датированное 25 янв<аря> и пришедшее сюда 4 фев<раля>, в котором ему предлагается обратиться ко мне.

Сегодня справка наведена — и, к сожалению, предсказание мое оправдалось: заседание Палаты (распорядительное) состоялось еще 24 янв<аря> и арест утвержден^{*1}.

Таким образом, теперь я ничем не могу Вам помочь, так как освободить книгу можно будет лишь при рассмотрении дела по существу, т. е. когда состоится суд над издателем².

Всего доброго. Спасибо за новогоднюю обо мне память.

Поклон — Марье Федоровне и Константину Петровичу. Простите нескладность письма: очумел от работы <...>

Ваш О. Грузенберг

¹ Том IV Сочинений П. А. Кропоткина («В русских и французских тюрьмах») был издан «Знанием» еще в 1906 г. и в октябре этого же года прошел цензуру. Через четыре года, 28 декабря 1910 г., книга была конфискована, о чем в этот же день Боголюбов телеграфировал на Капри Пятницкому (АГ), а затем сообщил в письме от 29 декабря 1910 г. (Там же). Боголюбов надеялся, что арест будет снят (об этом он писал Пятницкому 7 февр. 1911 г.). С 5 по 20 января/18 января — 2 февраля 1911 г. Пятницкий уезжал с Капри в Неаполь (см. *Дн. Пятницкого*) и лишь 25 января/7 февраля отправил Боголюбову письма, пометив в «Книге записи корреспонденции»: «С. П. Богол. № 224: о конфиск. Кропоткина „В русск. и франц. тюрьмах“». С. П. Бог. № 225: поручение обратиться ко Груз. гонорар 300 р. и 500 р.» (АГ).

5 февраля 1911 г. Боголюбов сообщал Пятницкому: «Только что вернулся от Грузенберга, у которого был по делу IV т. Кропоткина. Как и ожидал, встретил меня сухо: „вероятно, по делу, которое будет остановлено на полдороге“... Изложил ему настоящее дело; представил краткое письменное изложение хода дела, существа его, указал дату и №, за каким пошло дело в Судебную палату.

Пришлось дать ему Ваше письмо, в котором предложили мне обратиться к нему.

Обещал сделать, что возможно; потом вызовет <...> Теперь, значит, вопрос в том, как взглянет Суд. п<алата> или как повлияет О. О. Он утверждает, что дело не избегает кары, хотя в 1-й раз книга и пропущена; приводит аналогичные примеры» (АГ).

Через 2 дня, 7 февраля, Боголюбов извещает о дальнейшем: «Сегодня вызывал меня Грузенберг. Не порадовал: Судебная палата 24 января утвердила арест <...> Опоздали, жаль: может быть, и удача была бы на предварительном совещании. Значит, пойдут допросы, суд» (Там же).

* Подчеркнуто Горьким синим карандашом.

Определением С.-Петербургской судебной палаты от 24 января 1911 г. постановление Комитета по делам печати о наложении ареста на книгу Кропоткина было утверждено (АГ).

² 9 декабря 1911 г. — по-видимому, благодаря действиям Грузенберга — дело об издании книги определением С.-Петербургской судебной палаты было «дальнейшим производством приостановлено, впредь до явки или задержания обвиняемого мещанина Алексея Пешкова». Впоследствии книга была приговорена к уничтожению (АГ).

19. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Капри. 22 сентября/5 октября 1911 г.)

Прошу Оск<ар> Ос<инович> вести дела Кропоткина¹, Гарина², Сераф<имовича>³. Привет мой и Конст<антина> Петровича.

Горький

Печатается и датируется по рукописной копии Пятницкого в «Книге записи корреспонденции» с пометкой «тел<еграмма>» (АГ).

¹ 25 июля 1911 г. С.-Петербургским комитетом по делам печати был арестован вышедший в 1906 г. том I Сочинений П. Кропоткина «Записки революционера». Книгу отстоять не удалось. По поручению Грузенберга один из его помощников сообщал Боголюбову 10 октября 1911 г.: «На книгу Кропоткина арест утвержден в полном объеме, причем Палата нашла наличность ст. ст. 107, 128 и 129 Угол. уложения» (АГ). 15 октября 1911 г. Боголюбов сообщил об этом Пятницкому на Капри (Там же). В АГ хранится копия судебного определения, в котором говорится: «1913 г. февраля 27 дня по указу его императорского величества С.-Петербургская судебная палата по 2-му уголовному департаменту в открытом судебном заседании (...) слушала: дело об уничтожении книг:

1. П. Кропоткин „Записки революционера“ Изд. „Свободная мысль“.

2. П. Кропоткин „Записки революционера“ Изд. т-ва «Знание» (...) имея в виду (...) что определением СПб. Судебной палаты от 27 сентября 1911 г. постановление СПб. комитета по делам печати о наложении ареста на вышеназванные книги — утверждено (...) книги (...) уничтожить вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для их напечатания».

² 17 августа 1911 г. Цензурный комитет арестовал 2-е издание кн. Н. Г. Гарина «Инженеры» (Соч. Т. IV: Знание, 1911), что повлекло за собой новый пересмотр 1-го издания (1908 г.), а также сб. «Знания», в которых печаталось произведение.

20 августа 1911 г. Боголюбов извещал Пятницкого: «Сейчас дал телеграмму Ал. М-чу; в ней сказал, что конфисковано новое изд. IV т. Гарина (...) просил телеграфировать о деле Грузенбергу (...) Сегодня в ценз. К-те пересматриваются сборники, в которых помещены „Инженеры“, уже мне сообщили там, что состоялось постановление о пересмотре 17-го сб(орника) и 1-го изд. „Инженеров“, т. е. IV-го же тома; окончательное решение будет вечером в Совете. Значит, надо ждать ареста 17-го и судебного дела по 1-му изд., уже распроданному» (АГ).

23 августа Боголюбов сообщал на Капри: «Вчера (...) поступило постановление К-та по делам печати об аресте 17-го сборника и первого изд. IV т. Гарина — за „Инженеров“, 18-й арестован в августе 1907 г. (там есть инкриминируемые места его „Инженерам“)» (Там же).

Так как в «Инженерах» речь шла лишь об отдельных местах, в которых усматривалось «поношение христианства», и нужно было спасти тираж 2-го издания, Грузенбергом 7 сентября 1911 г. было подано прошение о разрешении перепечатки мест, подвергшихся цензурному запрету. 16 сентября Боголюбов делает на Капри очередное сообщение: «Сейчас от Грузенберга, вызвавшего меня, чтобы сообщить, что новое изд. IV т. „Инженеры“ отстоял от конфискации; книга будет пущена в продажу, как только будут сделаны небольшие изменения (изменения эти укажут на днях)» (АГ). А 12 ноября пишет: «Новое изд. „Инженеров“ пустил в продажу — исправленным» (Там же).

³ 9 сентября 1911 г. была конфискована кн.: Серафимович А. Рассказы. СПб.: Знание, 1907. Т. III. Цензурные обвинения были предъявлены к рассказу «У обрыва».

«Весь август и начало сентября, — пишет Боголюбов 13 сентября 1911 г., — я в делах по конфискации, как в пекле: теперь конфисковали III т. Серафимовича» (АГ).

Книга разделила судьбу IV тома Сочинений Гарина. 15 октября 1911 г. Боголюбов известил Пятницкого: «На днях Грузенб(ерг) прислал мне копию определе-

ния Палаты (...) которым постановляется утверждение ареста *впредь*, до исключения *инкриминируемых* мест» (Там же).

Определение С.-Петербургской судебной палаты, о котором пишет Боголюбов, состоялось 27 сентября 1911 г. (Там же).

20. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

26 июня (9 июля) 1913

Сестрорецк — курорт
Лесная, 93.

Дорогой Алексей Максимович —

в газетах появилось известие, что Вы возвращаетесь в С.-Петербург¹.

Если это правда, — то примите мое поздравление и радостный привет.

Ваше возвращение нужно, — вернее, необходимо для литературы, для страны, для Вас самого.

Я был всегда за ваш приезд², как бы дорого он Вам ни обошелся. Тем более я стою за него сейчас, когда плата за него будет не столь высока³. Я не скрою: Вы можете попасть под суд по ст. 73 Угол(овного) у(л)ожения⁴ (за кощунство), которая не подведена под Манифест⁵. Такое обвинение было к Вам предъявлено за роман «Мать». Но я полагаю, что либо это обвинение прекратят, либо Вы будете оправданы, так как по ст. 73 предстоит суд с участием *присяжных заседателей*. Не думаю, чтобы нашелся состав, который бы Вас осудил.

Итак, — едете ли сюда и когда?

Если бы Вы знали, как я буду рад вашему возвращению. Не только по личным мотивам любви. — Нет! Не только... Еще важнее твердая вера, что, как только Вы обветритесь русским ветром, опалитесь русским солнцем, ваш талант даст такой цвет, который и Вам самому не снился. Вот увидите.

Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет всем вашим.

Искренне Вас любящий О. Грузенберг

Приму все меры, чтобы дело не дошло до суда.

¹ Сообщения в газетах о возвращении Горького стали появляться после 21 февраля 1913 г., когда был опубликован «Именной высочайший указ правительствующему Сенату» (по поводу 300-летия царствования дома Романовых) и объявлена амнистия лицам, привлекавшимся по ст. 128, 129 и 132 Уголовного уложения. (А—Г, п. от 12 июля 1913 г.). 22 марта газ. «Правда» опубликовала «Открытое письмо Максиму Горькому» за 60 подписями от рабочих Петербурга, в котором говорилось: «Из газет мы узнали о Вашем намерении вернуться в Россию, глубокоуважаемый Алексей Максимович! Нас всегда удручало сознание того, что Вы, в числе многих других лучших сынов народа, много сделавших для развития нашего общественного сознания, остаетесь в вынужденном изгнании (...) Мы высоко ценим Вашу стойкость, бодрую веру в наши грядущие победы! (...) Мы глубоко уверены, что общение с родным народом, прикосновение к родной земле даст могучий толчок Вашему творчеству» (Правда. 1913, № 68. 22 марта).

Сообщения газет имели под собой реальную почву. 22 июня / 5 июля Горький получил от российского генерального консульства в Неаполе визу на въезд в Россию, хотя и был предупрежден, что виза не избавляет его от «административного взыскания».

В июле он писал В. Г. Короленко: «...я действительно думал в августе ехать в Россию, но, кажется, это не удастся мне, — помешает нездоровье. Хотя — еще посмотрим!» (ХХ/Х, 310).

Горький выехал на родину 27 декабря 1913 г. / 9 января 1914 г.

² См. п. 14, прим. 6.

³ По предписанию прокурора Судебной палаты от 4 и 6 апреля Петербургская судебная палата на основании указа об амнистии прекратила дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького) по ст. 129 и 132 Уголовного уложения (Красный архив. Т. 5 (78). М., 1936 г. С. 77).

⁴ В 73 ст. Уголовного уложения говорилось о «поношении священного писания или церкви православной и ее догматов, или вообще веры христианской». См. п. Пятницкого Горькому от 22 февраля 1909 г. (АГ).

20 июля 1913 г. Петербургская судебная палата постановила оставить в силе «со всеми его законными последствиями» розыск через публикацию А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по ст. 73 Уголовного уложения по поводу его повести «Мать» в XVIII сб. «Знания» (Красный архив. 1936 г. Т. 5 (78). С. 77).

21. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Римини. 6/19 июля 1913 г.)
19-е VII, 13

Дорогой Оскар Осипович!

Спасибо за Ваше доброе письмо и любезную Вашу готовность помочь мне в делах моих.

В Россию ехать я решил, но еще не знаю, когда сделаю это, ибо очень обременен делами разными, которые необходимо закончить здесь, и не совсем хорошо чувствую себя — кашель одолел¹. Необходимо поправиться, чем и занимаюсь усердно. Возможность суда и прочих неприятностей нисколько не стесняет меня, — да и раньше не стесняла, — но хочется приехать здоровым, бодрым.

Думаю, что скоро все-таки увидимся и я крепко пожму вашу руку, — с большой радостью увижу вас!

Кланяюсь семье Вашей.

А. Пешков

В кн. О. О. Грузенберга «Очерки и речи» (с. 228) письмо ошибочно датируется 9 июля. Римини как место написания письма указано в этой же публикации. Видимо, оно было представлено на почт. шт.

¹ О своем нездоровье Горький писал также В. Г. Короленко: «Я — (...) заболел и, кажется, основательно на сей раз: кашель, изнуряющий пот по ночам и все прочее, что полагается при этом» (XXIX, 310).

22. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

13 фев(раля) 1914

Сестр<орецк> курорт, Лесная ул.

Дорогой Алексей Максимович, —

обидно, что не заехали ко мне, обидно, что даже не подали вести о себе...¹ Но не для излишества чувств пишу сейчас, а по делу. К. П. Пятницкий просил меня закончить дело с Протопоповыми². У меня по этому делу доверенности и от Вас, и от Конст. Петровича. Между тем слышал я про нелады ваши³. Конечно, это не основание для того, чтобы Протопоповы не платили⁴. Я предъявил Димитрию Димитриевичу категорическое требование, указав, что лишь тогда приостановлю свои действия, когда Вы мне о том напишете. Одновременно я предупредил Конст. Петровича, что взысканные деньги я могу передать ему опять-таки не иначе как с Вашего письменного согласия. Напишите мне — как быть.

Преданный Вам О. Грузенберг

Привет многоуважаемой Марье Федоровне. Вернусь в СПб. 16-го. — Пишите туда. Кирочная, д. 34

¹ Приехав в Россию из эмиграции, Горький поселился в Финляндии, вблизи ст. Мустамяки, но, видимо, в течение января 1914 г. бывал в Петербурге. Так, из филерских донесений известно его посещение Петербурга 18 января 1914 г. См.: Революционный путь Горького. М.; Л., 1933. С. 113—114.

² См. п. 11—16.

³ Основной причиной конфликта между Горьким и Пятницким было банкротство «Знания». Конфискация ряда изданий, изменение настроения массового читателя в период реакции и падение спроса на издаваемую литературу, связанность основного капитала в книгах, которые не покупались, отсутствие средств на издание новых книг — все это поставило «Знание» на грань полного краха, в котором Горький несправедливо обвинял Пятницкого. См. также: Г—А.



ГОРЬКИЙ, Е. А. И Ю. А. ЖЕЛЯБУЖСКИЕ

Фотография Ю. А. Желябужского. Флоренция, сентябрь 1910

Музей Горького, Москва

В декабре 1912 г. он написал И. П. Ладыжникову о разрыве отношений со «Знанием». «Мне теперь нечего в нем делать», — заявил он Пятницкому 6/19 апреля 1913 г. (АГ).

⁴ Одним из пунктов спора между Горьким и Пятницким был вопрос о том, «кому принадлежит право на взыскание долга с Д. Д. Протопопова — лично ли А. М. Пешкову или Книгоиздательству» (АГ).

10 мая 1914 г. Пятницкий написал Горькому: «Ваш поверенный М. Е. Кальманович заявил от Вашего имени, что Д. Д. Протопопов должен не т-ву „Знание“, а лично А. М. Пешкову. Это заявление помогло Д. Д. Протопопову снова уклониться от исполнения письменного договора, который нарушается им в течение шести с лишком лет. Каждый беспристрастный человек скажет по этому поводу то же, что написал Вам О. О. Грузенберг: каковы бы ни были отношения между участниками „Знания“, от этого не должны выигрывать гг. Протопоповы» (АГ).

23. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Петербург. 27 февраля 1914 г.)

Дорогой Оскар Осипович.

Я очень прошу вас приостановить взыскание с Протопопова, — он сообщил мне, что в данное время уплата долга мне очень стеснила бы его.

Вы извините мне то, что я не был у вас, — ведь я ни у кого не был в С.-Петербурге — уж очень занят, да к тому же и хочется, и необходимо видеть «публику» в массе раньше, чем увидеть добрых друзей.

Сегодня в 9 веч(ера) уеду в Финляндию¹, через недели две вернусь и непременно буду у вас, а пока крепко жму руку вашу и сердечно кланяюсь супруге вашей.

М(а)рия Ф(е)доровна просит передать ее поклоны и добрые пожелания.

Письмо ваше только сегодня попало в руки мне². Всего хорошего.

А. Пешков

Печатается по кн.: *Грузенберг О. О.* Очерки и речи. С. 233. Фамилия «Протопопов» зашифрована в книге буквой «П».

Датируется как ответ на п. Грузенберга от 13 февраля 1914 г. и фразе: «Сегодня в 9 веч(ера) уеду в Финляндию». См. ниже.

¹ Отъезд в Финляндию из Петербурга состоялся 27 февраля.

² Письмо было адресовано Грузенбергом в Москву, где Горький жил с 19 января по 22 февраля, время от времени выезжая в Клинский уезд, в имение И. Д. Сытина. На почт. шт. дата: «Москва. 15. 2. 14». Но, видимо, потому, что точного адреса Грузенберг не указал (письмо адресовано: «Москва. Алексею Максимовичу Пешкову (Максиму Горькому)»), оно было доставлено в газ. «Русское слово» (на письме шт. «Секретарь Редакции „Русского слова“ 15 февр. 1914») и лишь оттуда, очевидно с опозданием, попало к Горькому.

24. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

7 декабря 1920 г.

Тифлис, Грибоедовская, 2, кв. д-ра Спектора

Дорогой Алексей Максимович,—

я писал Вам, но письма мои, по-видимому, не дошли: иначе — я получил бы Ваш ответ.

Вот уже более 4½ лет, как ниоткуда не получаю вестей. О Вася, хоть немного, знаю из поврем(енной) печати. Читал недавно статью Вашу о Толстом¹: титаническая. Что касается меня, то я, как ибсневский Сольнес², не строю уже больше домов с высокими башнями... Вы, вероятно, слыхали, что в итоге своей судебной борьбы я нажил грудную жабу, осложненную сердечной астмою. Работаю вовсю, цепляюсь за жизнь, из художников перешел в маляры (вследствие национализации в судах нам, россиянам, здесь выступать нельзя, занимаюсь черной, полойной юридической работой), в 55 лет мечусь, как начинающий помощн(ик); много разъезжаю. Вот сейчас пишу Вам, лежа в постели, так как третьего дня вернулся из Поти простуженным (здесь тоже помещается в 4-местном отделении вагона 12—15 чел(овек)). И все-таки... не падаю духом, не злюсь и не кляню. Вот, напр., мой путь с вашим разошелся³ — и все же я в минуты уныния с гордостью думаю, что жизнь моя прошла ненапрасно: а десятки людей, вырванных из рук палачей в прежних судах!.. Давать людям жизнь в муках борьбы в то время, как большинство дает ее в утехах страсти, — это ли не радость.

Гнетет меня единственно сознание, что не могу предоставить возможность сыну⁴ окончить унив(ерсите)т. Надо его для этого отправить в Германию, но средств не хватает, — весь заработок уходит на жизнь.

Пожалуйста, посодействуйте моим братьям переслать мне сюда несколько ценных моих вещей. Они дали бы возможность сыну проехать в Германию и прожить хотя бы семестр, пока найдет занятия.

Спасибо за все, что для моих сделаете.

Крепко жму руку.

Ваш О. Грузенберг

Рад буду, если напишете.

В исполнении моей просьбы Вам, я уверен, помогут мои бывшие коллеги — Н. Н. Крестинский¹ и др.

¹ Воспоминания Горького о Л. Н. Толстом — «Лев Толстой».

² Имеется в виду герой драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес» (1892).

³ Фактически Грузенберг оказался в эмиграции, так как в мае 1918 г. меньшевистское правительство объявило Грузию «независимым государством». Советская власть установилась в Грузии в феврале 1921 г.

⁴ Сын Грузенберга, Юрий Оскарович, впоследствии служил летчиком в английской авиации.

⁵ Николай Николаевич Крестинский (1883—1938) — советский государственный деятель, юрист по образованию, комиссар юстиции Северной коммуны (1918—1919), с 1919 по 1921 г. — секретарь ЦК РКП(б) и член Политбюро ЦК РКП(б), в 1930—1937 гг. — зам. наркома иностранных дел.

25. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

8 октября 1925 г.

41, Boulevard de Cimiez, Nice

Дорогой Алексей Максимович,

никак не могу получить из России вменявшееся Вам в вину воззвание по поводу «9 января»¹. Из-за этого задерживаю сдачу в печать посвященной Вам главы воспоминаний. Я читал в газетах, что двадцатилетию 9 января было посвящено несколько сборников. — Б(ыть) м(ожет), хоть в одном из них приведено ваше воззвание полностью². — Пожалуйста, пришлите. Мне нужна еще и сцена крестн(ого) хода в «Кожемякине»³. Она подтверждает мою мысль о в(ашей) религиозности (конечно, не в церковном смысле)⁴: нерелигиозный человек не опишет так этой сцены, как сделали Вы. Читал я ее лет 15 т(ому) н(азад)⁵, а она стоит передо мною, как живая, и сейчас.

К сожалению, здесь, даже в Герценов(ской) библи(отеке), я не могу ее раздобыть. Пришлите, — возвращу все не позже, как через 2 недели по получении.

Преданный Вам О. Грузенберг

Видали ли в «Соврем(енных) зап(исках)»⁶ главы моих воспоминаний о «Пирогове»⁷ и «Бреде войны»⁸?

¹ См. п. 1, прим. 1.

² Воззвание Горького «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» было впервые напечатано в журн. «Новый мир» (1928, кн. 3).

³ Грузенберг ошибся: он имел в виду повесть Горького «Исповедь». Горький исправил его ошибку: см. п. 28.

⁴ Свой замысел воспоминаний о Горьком Грузенберг окончательно воплотил в 30-х годах. В рукописи воспоминаний, хранящейся в АЛ, он излагает свои соображения о «религиозности Горького» «не в церковном смысле» в гл. III: «Вера Горького — Человек; церковь его — коллектив. Однако человек — не первая его любовь. У Горького короткое время был роман с богом. Роман этот не удался, но что он был — для меня нет сомнения. Как все, потерпевшие в своей любви тяжелое крушение, он ее скоротчил. Я, мол, от рождения безбожник, — и конец. Ни с кем на эту тему и разговаривать не желаю (...). Он искал бога в тиши отчаявшейся души, ставшей свою последнюю ставку. В юные годы Горький покушался на самоубийство (...). Почему покушался? От страха жизни? — Ну нет, всеми страхами пыталась его судьба, — не испугала. У него был только один страх: чем осмыслить жизнь, как оправдать свое жуткое одиночество в людской толпе? Большой талант всегда одинок — в этом страшная плата за избранность (...). Свое утверждение о том, что он в ранней юности верил в бога, я основываю на одной странице в его повести „Исповедь“. Он описывает там крестьянский крестный ход по случаю засухи с та-

ким энтузиазмом и глубиной переживания, которых не объяснить лишь талантом. Должно быть, заныли рубцы давно закрывшейся раны».

⁵ О чтении повести «Исповедь» см. в п. 2.

⁶ «Современные записки» — общественно-политический и литературный журнал, издававшийся русскими эмигрантами в Париже в 1920—1940 гг.

⁷ Поручик Вячеслав Пирогов был трижды приговорен к смертной казни «за призыв войск Владивостокского гарнизона к учинению бунтовщических деяний». Когда в ходе этого дела командующий войсками Приамурского военного округа заменил смертный приговор бессрочной каторгой и об этом был представлен доклад Николаю II, то царь собственноручно начертил на нем: «Напрасно», после чего против Пирогова было возбуждено новое дело по обвинению в призыве к мятежу уже на другой станции.

18 июня 1909 г. в Главном военном суде состоялось последнее слушание дела Пирогова. Защитником его выступал Грузенберг. Газета так изложила его доводы: «Трижды (...) прозвучал над поручиком Пироговым смертный приговор. Вот уже три года ведется мучительная борьба за его жизнь (...) Я утверждаю, что после первого дела против Пирогова нельзя было возбуждать никакого нового преследования, хотя бы и открылись факты, указывающие, что он развивал свою революционную деятельность не только среди гарнизона военного пункта Раздольного, но и среди войск, расположенных в Никольске Уссурийском. Нарушено коренное правило, присущее законодательствам всех культурных стран, что за одну и ту же преступную деятельность нельзя судить дважды».

«Главный военный суд, согласившись с доводами защиты, постановил приговор приамурского военно-окружного суда отменить и самое дело, как неправильно возбужденное, производством прекратить» (Речь. 1909. № 165. 19 июня).

В. Г. Короленко написал о деле Пирогова очерк «Фантастическая история поручика Пирогова» (Русское богатство. 1910. № 10).

Воспоминания Грузенберга «Поручик Пирогов» напечатаны в «Современных записках» (Париж, 1924. Т. XXI. С. 230—246). Впоследствии вошли в кн. О. О. Грузенберга «Вчера. Воспоминания».

⁸ Воспоминания Грузенберга «Бред войны» были напечатаны в «Современных записках» (Париж, 1925. Т. XXIV. С. 268—284; т. XXV. С. 288—315). Впоследствии были включены в кн. О. О. Грузенберга «Вчера. Воспоминания» — гл. IX: «Бред войны: Жандармский полковник Мясоедов и братья Фрейберг»; гл. X: «Бред войны (окончание): Военная мясорубка. Об А. С. Макаренко».

26. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

12 октября 1925 г.
Сорренто

Дорогой Оскар Осипович,

к сожалению, я лишен возможности исполнить Ваши желания.

Записки по поводу 9-го января у меня нет. Подлинник ее, вероятно, лежит в Госархиве, где хранится архив и Департамента полиции¹, копия должна быть в Ваших делах. Напечатана ли где-либо эта записка² — я не знаю.

В «Кожмякине» нет описания крестного хода, должно быть это в какой-то другой книге³. В какой — не помню, а книг моих у меня нет, и поискать в них не могу.

Воспоминаний Ваших в «Современных» записках не читал. Пожалуй, пришлите отгиски, если имеете их.

И очень прошу прислать книгу воспоминаний⁴, а я Вам пришлю мою новую повесть⁵.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Печатается и датируется по кн.: Грузенберг О. О. Очерки и речи. С. 233.

¹ По декрету 1 июня 1918 г. все архивы упраздненных правительственных учреждений образовали Единый государственный архивный фонд, который имеет в виду Горький, говоря о Госархиве. В кн. «Революционный путь Горького» воззвание напечатано по материалам входящего в Центральные Архивы революции и внешней политики (ф. Департамента полиции, д. 882, ч. 1, 1905, л. 65).

² Впервые воззвание было напечатано (без первых трех абзацев) в ст. К. Пятницкого «Из воспоминаний об январских событиях 1905 г.», видимо, по копии, сохранившейся у автора статьи (Ленинградская правда. 1927. № 18. 22 янв.). Затем,

по архивным материалам — в ст. В. Руднева «Горький — революционер» (Новый мир. 1928. № 3. С. 209—210).

³ См. п. 25, прим. 3.

⁴ Книга воспоминаний Грузенберга появилась лишь в 1938 г.: *Грузенберг О. О. Вчера: Воспоминания*. Париж.

⁵ «Дело Артамоновых». Повесть вышла в Берлине в изд-ве «Книга» в конце декабря 1925 г.

27. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

17 ноября 1925

41, B^d de Cimiez
Nice

Дорогой Алексей Максимович,

письмо Ваше довелось мне прочесть только на днях, так как был по делам в Париже. Огорчило оно меня. Как же так, — дать о Вас «воспоминания защитника» и не воспроизвести того воззвания, за которое Вы были арестованы, заключены в крепость и преданы суду¹.

Надо датировать и портреты, и факты.

Воззвание ваше подлежит оценке не с точки зрения тех, кто пережили землетрясение 1917—21 гг., а тех, кто, томясь в духоте и смраде 90—900 гг., прислушивались с радостным замиранием к буревиестникам.

Надо датировать портреты: мой Горький — Горький 1905—1910 г. Разве можно обойтись без его призывного крика «ко всем, всем», — крика задыхающегося, уверенного в том, что если только кто из «культурных народов» услышит, сейчас же кинется на помощь.

Вы, по-видимому, думаете, что я надеялся только на Вас, а сам не принимал мер к розыскам воззвания. Вы советуете поискать в моих делах... Я с этого начал, но — увы! — получил печальное сообщение, что все мои дела за 27 лет работы в суде погибли.

Я не успокоился. Поручил поискать в Публичн<ой> библиотек<е> и списать напечатанное в апреле 1905 г. в двух газетах («Русск<ие> вед<омости>» и «Бирж<евые> вед<омости>» — первое, т<ак> называемое) большое издание) прошение мое в СПб. Судеб<ную> палату, где под видом мотивировки ходатайства о вызове свидетелей воспроизвел Ваше воззвание и показал отсутствие состава преступления². Результат этого шахматного хода не заставил себя ждать: Судеб<ная> палата признала юридич<еский> промах прокуратуры и, чтобы не оскандалить правительство оправданием, сняла назначенное к слушанию на 3 мая 1905 г. дело и направила его к исследованию судебному следователю, который солил и мариновал его дотоль, доколе его не пожрала предвиденная амнистия. Вот эти газеты я и просил разыскать и списать, — что нужно.

Два раза близкие мне люди списывали копию, два раза посылали ее в заказ<ых> письмах — и оба раза... они не дошли <...> Наконец, недавно пропустили объемистую копию: она дошла до меня. Однако оказалось, что газеты, боясь преследования, изложили ваше воззвание кратко, в форме косвенной речи. (Кстати, это ни к чему не повело: СПбург<ское> жандарм<ское> управл<ение> постановило привлечь к ответственности редактора «Бирж<евых> вед<омостей>» и меня за распространение в<ашего> воззвания; дело было прекращено по той же амнистии, точнее, «всемилоливейшему» манифесту³.) Я на этом выиграл пари у Марьи Федоровны (она, когда я был у Вас зимою (в конце) на даче под Рыгою, была уверена, что не вызволю Вас). Пари она не отдала, и так как они были à discrétion*, заменила их тем, что через несколько лет поссорилась со мною.

Так вот — этим кратким изложением в<ашего> краткого воззвания я ограничиться не могу. Прилагаю выписку⁴: сами увидите, что обид-

* Букв.: сколько угодно (*фр.*), т. е. выигрыш в пари не был оговорен.

но этим ограничиться. Постарайтесь (Вам неизмеримо легче, чем мне) получить из указанного Вами архива копию воззвания.

Затем, почему Вы не хотите помочь мне в розыске сдены крестного хода? Говорю Вам: она удивительная. Если не в «Кожемякине», то не в «Окурове» ли она?

Помню даже фразу, которая проносится в задних рядах крестного хода: «Тронулась, Владычица, тронулась...»⁵

Не те, конечно, слова, но музыка такая же, как в «Фоме Гордееве», когда трещит, трогается весенний лед⁶. Какой-то экстатический восторг перед стихией!.. Неужели я ошибаюсь — и «крестный ход» не ваш. Обидно будет, если так. От прошлого у меня уцелели только волосы и память. Волосы поседел, неужели и в памяти завелась седина?

Всего хорошего. Крепко жму руку.

Преданный Вам О. Грузенберг

Обрадовали меня вестью и о том, что написали новую повесть, и тем, что пришлете ее мне.

Исполняю в^{ашу} волю: посылаю оттиск моего «Бреда войны». Не сделал этого раньше, так как полагал, что Вы получаете «Современные» записки.

Напишите мне откровенно про свое впечатление. Недавно послал В. А. Мякотину главы воспоминаний, касающиеся В. Г. Короленко. Пойдут в ближайшей книжке либо «На чужой стор^{оне}»⁷, либо заменяющего эти сборники журн. «Гол^{ос} минувш^{его}»⁸. Оттиски и этого очерка пришлю. В письме своем укажите мне: пишете ли Вы в Россию о высылке Вам копии воззв^{ания}, а равно — поможете ли мне отыскать крестный ход. Подожду месяц-другой, а потом сдам в печать (сначала в какой-н^{ибудь} журнал). Книгу мою, когда выйдет, конечно, пришлю. Но — не в обмен. В ответ ли на мой присыл или без него ваша книга всегда будет для меня подарком. Не задерживайте его.

О. Гр.

Не посылаю Вам оттиска «Поручика Пирогова»: не осталось ни одного, — журнал «Современные» зап^{иски}» присылает авторам лишь по 10 экз. Не удосужитесь ли просмотреть его в XXI кн. «Современных» зап^{исок}»? Мне интересно Ваше о нем мнение. Получил об этом очерке восторженный отзыв от Корнея Ив^{ановича} Чуковского. Несомненно, он обладает удивительным критическим чутьем, но так как он человек страстный, то бывает пристрастен в ту или другую сторону. Если будете читать «Пирогова», — выключите вводные 2—3 страницы. Я введение это к книге Вам читал⁹. Не отказываюсь от него и теперь, но не следовало его печатать: оно написано, когда я, по мнению врачей, помирал и когда сильно себя жалел. Теперь, когда я на юге окреп¹⁰, не хочу быть жалким. Не снял же я его, так как мой ближайший друг А. В. Пешехонов¹¹, у которого находились некоторые главы, переоценил введение и включил его... в отдельную статью; он же и сдал в «Современные» зап^{иски}».

Над текстом письма рукой Горького написано: Oskar Grousenberg — и подчеркнуто красным карандашом.

¹ См. п. 1, прим. 1.

² См. п. 1, прим. 1. Прошение Грузенберга в С.-Петербургскую судебную палату было напечатано в газ. «Новости и биржевая газета» (1905, № 88, 6 апр.) и «Биржевые ведомости» (1905, № 8760, 6 апр.). Последняя газета выходила в двух изданиях. Первое издание (СПб., 1880—1917) имело (с 1902 г.) два выпуска: утренний и вечерний, и потому называлось «большим».

³ В воспоминаниях Грузенберг пишет, что после опубликования в газетах его прошения «старший председатель СПбургской судебной палаты Максимович обра-

тился в Совет присяжных поверенных с бумагою следующего содержания: „(...) Находя, со своей стороны, что напечатание в периодических изданиях не подлежащих оглашению сведений из дел, находящихся в производстве судебных мест, представляется неправильным и в особенности не соответствующим тому доверию, которое закон оказывает присяжной адвокатуре, имею честь на основании ст. 367—368 Учрежд(ения) Судеб(ных) установ(лений) сообщить о вышеизложенном на рассмотрение Совета прис(яжных) пов(еренных) и покорнейше прошу о последующем меня уведомить“.

(...) Я на бумагу Максимовича не представил в Совет письменного объяснения и не явился к рассмотрению дела, так как не хотел лгать. Конечно, я был оправдан (...) Однако Департамент полиции, обидевшись на меня, посоветовал жандармскому отделению возбудить против меня судебное преследование за оглашенную в печати прокламацию. Об этом мне сообщил товарищ прокурора Волков. Я ответил, что если жандармской власти угодно устроить себе самосеку, то я против этого ничего не имею. Преследование против меня не было возбуждено» (АГ).

Нельзя не заметить некоторое расхождение сведений в письме и в воспоминаниях. Возможно, что более точен Грузенберг в письме, как в документе, значительно более раннем, чем воспоминания, где им допущены и другие ошибки памяти. См. п. 31, прим. 15.

⁴ К письму приложена следующая выписка, сделанная Грузенбергом:

«Выписка из присланной мне копии моего прошения, причем воззвание изложено в газете так:

„Мы, нижеподписавшиеся,—гласит этот набросок,—считаем своим нравственным долгом довести до сведения всех русских граждан и общественного мнения европейских государств следующее“.

Затем идет подробное изложение, как они, нижеподписавшиеся члены депутации, обращались в ночь с 8-го на 9-ое января с. г. к министрам, прося их предотвратить предстоящее завтра кровопролитие, неизбежное при столкновении рабочих с войсками. Излагается ответ, данный им, членам делегации, гг. министрами. Затем следует описание ужасных событий 9 января, когда на улицах Петербурга лилась кровь безоружных стариков, женщин и детей...

В заключение они, нижеподписавшиеся члены делегации, формулируя обвинение против виновников этих событий, приглашают всех граждан России к немедленной и дружной борьбе с самодержавием» (Бирж(евые) вед(омости) <большое изд.>, 1905. № 8760. 6 апр.).

⁵ Грузенберг вспоминает заключительные страницы повести «Исповедь» (9, 385—390). Цитата приведена не дословно.

⁶ Видимо, имеется в виду сцена ледохода на Волге в начале «Фомы Гордеева» (4, 184).

⁷ Венедикт Александрович *Мякотин* (1867—1937) — историк и публицист, после 1917 г. — эмигрант. Вместе с С. П. Мельгуновым и Ляцким издавал историко-литературные сборники «На чужой стороне» (Берлин — Прага, 1923—1925).

Воспоминания Грузенберга «О В. Г. Короленко. (Глава из книги „О бессонных людях“» напечатаны в № 13 «На чужой стороне» (Прага, 1925).

⁸ «Голос минувшего на чужой стороне» (1926—1928) — журнал, продолживший в Париже издание «На чужой стороне». Выходил под ред. Мельгунова, Мякотина, Т. Полнера.

⁹ Очевидно, во время встречи с Горьким в Берлине в начале 20-х годов (см. вступ. гл.).

В «Современных записках» воспоминаниям о поручике Пирогове предшествует введение, не включенное в книгу «Вчера». В нем говорится:

«...пришло время заглянуть в свое сердце (...) Теперь я — не то изгнанник, не то беглец; кто разберет? (...) Все ближе и ближе надвигаются сумерки; все чаще стучится уныние и шепчет назойливо, что жизнь проиграна, как легкомысленное пари...

Вздор. Зажигайся воспоминание, буди уснувшее... Вставайте вы, мои незабываемые, вы, которых я прикрывал своей грудью, за которых сыпались на меня тяжелые удары...

(...) Разрезать веревку на шее совершенно чужого тебе человека! Разве есть на свете радость глубже и прекраснее... Один за другим проходят предо мною они, мои подзащитные, все эти беспокойные и бессонные хлопотуны за человеческое счастье. (...) я всего себя раздал им по кускам.

Победиле волосы. Стынет сердце (...) Я делаю смотр самому себе перед лицом неожиданного нагрянувшего придирчивого ревизора — старости» (Современные записки. 1924. Т. XXI. С. 230—232).

¹⁰ Из-за болезни Грузенберг переехал из Берлина в Ниццу, где жил с 1923 по 1926 г.

¹¹ Алексей Васильевич *Пешехонов* (1867—1933) — статистик, публицист, с 1904 г. один из редакторов «Русского богатства». В 1922 г. был выслан из России, однако в 1927 г. советское гражданство было ему возвращено.

28. ГОРЬКИЙ — ГРУЗЕНБЕРГУ

(Неаполь). 24 ноября 1925 г.

Дорогой Оскар Осипович,

поверьте, что у меня нет возможности достать воззвание по поводу 9-го января: я не имею знакомых в Истпарте¹ и Госархиве², где, вероятно, находится это воззвание. Подождем, не опубликуют ли его в ближайших книжках «Красного архива», я слышал, что там собрано много материалов по 905 году и что скоро его будут печатать³.

По поводу «крестного хода» — недоумеваю. Может быть, Вы имеете в виду заключительные страницы «Исповеди»⁴? Очень жаль, что не могу послать Вам эту книгу, у меня, конечно, моих книг нет. Но Вы можете получить ее в Тургеневской библиотеке⁵.

Я — нездоров и переехал лечиться в Неаполь⁶. Живу: Posilippo, Villa Gallotti.

Желаю Вам всего доброго.

А. Пешков

P. S. А нет ли этого воззвания в архиве В. Л. Бурцева?⁷

Печатается и датируется по кн.: Грузенберг О. О. Очерки и речи. С. 234.

¹ *Истпарт* — комиссия по изучению истории Октябрьской революции. Образована при Наркомпросе в 1920 г. для собирания и издания материалов, относящихся к истории революционного движения.

² См. п. 26, прим. 1.

³ «*Красный архив*» — исторический двухмесячный журнал, издававшийся с 1922 по 1941 г. Центральным архивом РСФСР, а затем Главным управлением Наркомата внутренних дел.

Материалам революции 1905 г. был посвящен т. 4/5 (11/12) «Красного архива» за 1925 г., вышедший в 1926 г. Воззвание Горького о 9 января там напечатано не было.

⁴ См. п. 25, прим. 3 и 4.

⁵ О Тургеневской библиотеке см.: Г—А (между 7 и 9 февр. 1911 г.), прим. 2. Илья Эренбург писал о библиотеке: «Ее судьба драматична. В 1875 году в Париже состоялось „Литературно-музыкальное утро“ с участием Тургенева, Глеба Успенского, Полины Виардо, поэта Курочкина. И. С. Тургенев распространял билеты, указывая: „Вырученные деньги будут употреблены на основание русской читальни для недостаточных студентов“. Писатель пожертвовал библиотеке книги, некоторые со своими пометками на полях. Два поколения революционной эмиграции пользовались книгами „Тургеневки“ и обогащали ее библиографическими редкостями. После революции библиотека продолжала существовать; только читатели изменились. В начале второй мировой войны русские писатели-эмигранты передали свои архивы на хранение Тургеневской библиотеке. Один из ближайших сподвижников Гитлера, балтийский немец Розенберг, который считался ценителем „россики“, вывез Тургеневскую библиотеку в Германию. В 1945 году, перед самым концом войны, незнакомый офицер принес мне письмо, посланное в 1913 году М. О. Цетлину (поэту Амару). Офицер рассказал, что на одной немецкой станции он видел распотрошенные ящики: русские книги, рукописи, письма валялись на земле; он подобрал несколько писем Горького и, случайно, заметив на истлевшем листке мою подпись, решил доставить мне удовольствие. Таков конец Тургеневской библиотеки» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 69—70).

⁶ Горький жил в Неаполе с 20 ноября 1925 г. до 7 мая 1926 г.

⁷ За время своей деятельности Бурцев собрал большой архив, состоящий из документов по истории революционного движения в России.

29. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

15 апреля 1928 г.

Valdemāra ielā, 29, Rīga

Дорогой Алексей Максимович,

быть может, привет мой — один из последних по времени, но он не последний по глубокой памяти о годах нашей близости.

Я знаю — что Вы дали нашей общей родине в годы ее уныния и безволия, — знаю — и никакое позднейшее разномыслие не дает ни мне, ни другим права своровывать под этим предлогом то, что Вам следует.

Свой долг по мере сил я выполнил еще 2 года т^ому н^азад, когда хваткий антрепренер повез меня сюда из Ниццы для чтения публичных лекций.

Если до Вас доходят здешние газеты, то Вы знаете, что я посвятил особую лекцию трем своим подзащитным — Вам, Короленко и поручику Пирогову¹; вероятно, Вы знакомы и с тем, что я высказал о Вас, не считаясь с настроением местной печати и обслуживаемых ею кругов².

Повторять то, что думаю и высказал о Вас, не стоит. Я лишь добавлю искреннее пожелание Вам, кроме личных благ, увидеть родину счастливою, ибо я знаю, с какой любовью Вы к ней относитесь.

У меня к Вам исковое требование и просьба.

Исковое требование. — В письме от 12 октября 25 г. из Сорренто Вы обещали прислать мне свою новую книгу («... я Вам пришлю мою новую повесть»)³.

Итак, не доводите себя до судебных и за ведение дела издержек. Кончим дело это миром: вышлите обещанное безотлагательно с присоединением вашей новейшей вещи.

Теперь о *просьбе* — просьбе горячей. Когда будете в Ленинграде⁴ (а миновать его — грешно!), не откажите принять мою сестру — БERTУ Осиповну Спектор. У нее к Вам небольшое дело, — для Вас пустое, а для нее жизненно важное.

Черкните — исполните ли эту мою просьбу и когда приблизительно выезжаете. Благодарю Вас наперед и прошу извинить, что утруждаю просьбою.

Что до меня, то я осел здесь, так как не в силах был дольше выносить свою ниццскую инвалидность.

Народ здесь хороший; кое-кто помнит меня за судебную помощь в национальное лихолетие (1905—1907 гг.) и оказывает мне внимание. Выступать в здешних судах не имею права, но существую безбедно консультациями и составлением кассационных жалоб. Словом, стал «винкельадвокатом»⁵, но чувствую себя бодро: «... Живя, умей все пережить: печаль, и радость, и тревогу»⁶.

Крепко жму руку и от души желаю всего доброго.

Искренне Вам преданный

О. Грузенберг

¹ В АГ хранится перепечатка статьи за подписью «Бор. Ор.» под заглавием «О. О. Грузенберг о своих подзащитных. В. Г. Короленко. — Максим Горький. — Поручик Пирогов», опубликованной в газ. «Сегодня» (Рига) (1926, № 20, 31 мая), в которой излагается лекция Грузенберга, состоявшаяся 30 мая 1926 г. в Латвийском университете. Перепечатка была прислана Горькому много лет спустя (см. п. 31) самим Грузенбергом, который отчеркнул синим карандашом на полях слева начало повествования о Горьком и сверху справа пометил: «О М. Горьком».

² Судя по газетному пересказу, Грузенберг рассказал о судебном процессе в связи с возманием Горького по поводу 9 января, об обеспокоенности всей прогрессивной общественности и народных масс судьбой Горького.

Завершается изложение лекции словами: «О. О. Грузенберга многочисленная аудитория благодарила шумными рукоплесканиями».

³ См. п. 26, прим. 5.

⁴ Горький выехал в СССР из Сорренто 20 мая 1928 г. В Ленинграде находился с 30 августа по 7 сентября 1928 г.

⁵ «Винкельадвокат» (от нем. «Winkel» — угол) — заштатный адвокат, выполняющий мелкие поручения частных лиц.

⁶ Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не рассуждай, не хлопочи!..»

30. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

30 сент. 1933 г.

78, rue du Maréchal Joffre
Nice

Дорогой Алексей Максимович.

У меня к Вам большая просьба, исполнение которой Вас не оч^{ень} затруднит: она не только справедливая, но и строго *законная*.

5 сент^{ября} пр^{ошедшего} года мы похоронили в Берлине нашу дочь Софью, страдавшую ок^{оло} 3 лет жестокой *формой* диабета. Вы знали Сою, когда ей едва минуло 10 лет. После нее осталась девочка (ныне ей *семь* лет!), воспитывающаяся у нас с конца второй недели по своему рождению. Она мало знает свою мать, т. к. по условиям эмигрантского существования свидания были редки, как сопряженные с большими расходами.

Оставшиеся у нас фотографии Сони столь же мертвы, как мертва теперь она. Между тем в Ленинграде находится портрет Сони, хотя не из удачных, но одухотворенный. Надо, чтобы внучка имела его всегда перед глазами. — Это ее право и наша обязанность.

Благодаря Вашему предстательству, — тем более трогательному, что оно было самопроизвольно, — в конце 1918 или в начале 1919 г. состоялось постановление ленинградского ЦИКа, как о том сообщил мне мой бывший помощник, об освобождении м^{оего} имущества от национализации.

Я этим постановлением *не воспользовался* — не по гордыне, — а только по той причине, что не люблю оглядываться назад и пользоваться какими-либо привилегиями: в моем возрасте надо уважать даже свои ошибки, — нагнул — отдувайся и не проси об переекзаменовке, уподобляясь нерадивому школьнику. Но то, о чем я прошу, является, согласно постановлению ленингр^{адского} ЦИКа, *моим правом*.

Я *увез* из СССР только несколько книжек с автографами, особенно мне дорогими; в числе их, конечно, ваш 1 т. с теплой надписью и стихами, вошедшими потом в вашу пьесу «Дети солнца» («Как искры в туче дыма черной, средь этой жизни мы одни»). Вы поднесли их мне в Куоккала 5 июля 1905 г.¹ Всю же свою библиотеку я просил через покойного Вл. Вил. Беренштама² передать в Публичную библиотеку или в Суд; она поступила в Губсуд.

Моя просьба к Вам: привезите мне³, пожал^{уйста}, портреты *дочери* и *Розы Гавр^{иловны}*: они без рам займут немного места. Впрочем, дабы Вам не возиться, *отдайте разрешение на пересылку* их мне моему брату — Семену Осиповичу⁴ (*Ленинград, Дегтярная, 39*).

Разрешите мне по старой дружбе сказать Вам: давно пора Вам ехать в Италию, — погода в Москве, вероятно, испортилась — и, если схватите простуду, то последствия ее могут быть оч^{ень} серьезны: что бы там ни болтали, легкие ваши плохи, образовавшиеся каверны уменьшили работоспособность их до крайности. Я знаю, что Вы теперь заняты важным делом, — не менее важным, чем ваша литературная работа: дать детям хорошие книги. Я уверен, что Вы с этой задачей отлично справитесь: порукою тому ваша любовь к ребятам. Читал я ваше письмо к ним: простое и сердечное⁵. Однако оно возбудило во мне след^{ующие} два сомнения:

1) Вы просите ребят в своем ответе не лгать. Это легко требовать, но нелегко ребятам это исполнить. Незагубленные воспитанием (или отсутствием его) дети не *лгут*, но оч^{ень} часто говорят *неправду*. Не мне объяснять Вам разницу между этими словами, — Вы сами знаете ее: ложь — не только объективное, но и субъективное расхождение с истиной, неправда же — только *объективное* расхождение с нею. Как же ребенок может исполнить Ваше приглашение?

2) Разве и сам по себе *интерес* к чему-либо со стороны ребенка разрешает вопрос о том, что следует ему читать? Должны же в этом важном деле служить руководителями взрослые.

Вся ошибка — и притом тяжелая — в том, что мы стараемся всегда выпятить в ребенке особую черту его одаренности: музыкателен, — сделайся в 7 лет виртуозом, балует стихами, — вытани из него поэта. Между тем нужно как раз обратное: пополнить в ребенке то, чем он скудно одарен от природы, — иначе из него выйдет несчастный Wunderkind.

Перед детьми у нас всех громадная вина, и напрасно кричат о «неблагодарности» детей. — За что им быть благодарными?

На конских заводах знают генеалогию родителей, случают их *в особые часы*, когда они наиболее сильны и свежи. — Нельзя: иначе, мол, пропадет дорого стоящий лошенок. А как зачинают детей? — Поздней ночью, в пьяном угаре или в перевозбуждении от затянувшейся работы: все равно, как локомотив выпускает отработанный пар. Никакая наука об евгенике, как она ни важна, не поможет, так как любовное соитие всегда будет вне контроля. Значит, государству остается лишь путем воспитания уменьшать причиненное детям их родителями зло.

В немецкой литературе нет книжек, где бы детям объяснили, в доступной их постижению форме, окружающий их мир. Не только физический, но и *социально-политический*. Между тем во французской школьной литературе прекрасные книжки: сжатые, точные, где изложены все гражданские права и обязанности. Хотите, — я их Вам подберу и вышлю. То, что книжки эти имеют в виду другой социальный строй, лишено значения: в готовые, крепкие формы Вы можете вложить свое содержание.

Крепко жму вашу руку.

Искренне Вам преданный О. Грузенберг

Р. S. Еще 17 мая я отправил по Вашему итальянскому адресу заказное письмо с изложением моего просьбы. Дня через два после того я прочел в газетах сообщение, что Вы выехали в Москву⁶. Значит, письмо мое ждет вашего возвращения. Это соображение побудило меня написать вторично: если, паче чаяния, мое письмо Вам переслано, не сердитесь за повторение. — Не считите меня «заимодавцем грубым»⁷, т. е. что я не могу забыть, что я Вас защищал.

¹ Речь идет о Собрании сочинений Горького, подаренном им Грузенбергу (см. вступ. ст. к переписке). Грузенберг вспоминал, что книги были «в прекрасных художественных переплетах, — на обороте каждого из них помещалась тоже художественная инкрустация из мелких разноцветных кусочков кожи. Одна из них воспроизводит картину Беклина «Остров мертвых». Особенно тронул меня посвящение и стихи (...) Я настолько дорожил этой книжкой, что в числе немногих других авторграфов взял ее с собою» (АГ).

В п. Грузенберга Горькому от 16 мая 1933 г. имеется еще одна любопытная деталь о подаренных книгах: «Вы мне тогда сказали, что переплеты сделаны в Ялте чехоточным переплетчиком» (АГ).

² Владимир Вильямович Беренштам (1870 — ?) — адвокат и писатель, в начале 20-х годов посетил Грузенберга в Берлине по возвращении в Ленинград из Праги, где служил юрисконсультom торгпредства.

³ Грузенберг думал, что Горький выехал в СССР на время и возвратится вскоре в Италию; на самом деле в 1933 г. Горький возвратился на родину совсем.

⁴ Семен Осипович Грузенберг (1876—1938) — в дореволюционной России присяжный поверенный, после — философ-психолог, один из основателей Петроградского института гуманитарных наук и искусств.

⁵ Грузенберг имеет в виду «Обращение Максима Горького к пионерам СССР», в котором говорится:

«Я обращаюсь к вам от газеты „Пионерская правда“ и лично от себя. Решено организовать специальное издательство книг для детей. Нужно знать: Что вы читаете? Какие книги правятся вам? Какие книжки вы желали бы прочитать?»

Последний вопрос поймите так: что именно вы особенно хотели бы знать, какие вопросы интересуют вас.

Отвечайте просто, искренно, ничего не выдумывая, не притворяясь умнее, чем вы есть на самом деле. Вы и так достаточно умненькие.

Письма посылайте в редакцию „Пионерской правды“, а кто хочет — пусть посылает мне по адресу: Москва, Малая Никитская, 6.

Мы соберем все ваши письма, прочитаем их и будем знать, что и как надобно делать, какие и о чем написать новые книжки, какие старые снова напечатать.

Привет. М. Горький» (Правда. 1933. № 192. 14 июля; Комсомольская правда. 1933. № 162. 15 июля).

⁶ 18 мая 1933 г. в газетах было напечатано сообщение: «Одесса, 17 мая. Сегодня, в 11 час. утра, в Одессу из Италии на пароходе Совторгфлота „Жан Жорес“ прибыл Максим Горький (...) Вечером тов. Горький выехал в Москву» (Правда. 1933. № 135. 18 мая). Горький прибыл в Москву утром 19 мая.

⁷ А. С. Пушкин. «Скупой рыцарь» (Сцена II).

31. ГРУЗЕНБЕРГ — ГОРЬКОМУ

28 сент. 1935 г.

78, rue du Maréchal Joffre Nice

Дорогой Алексей Максимович.

Ок(оло) трех месяцев т(ак) н(азываемый) секретарь Пушкинского дома — проф(ессор) Балухатый¹ предложил мне через посредство брата моего² дать для III т. «Сборника» ваших писем³ статью о Вас, а равно дать для напечатания и письма ваши мне.

Предложение это взволновало меня: с одной стороны, рад был рассказать о Вас все, что знаю, как я это сделал весною 1926 г. в моих публичных чтениях в Латвии, Литве и Эстонии⁴, но, с другой, почувствовал опасение подвергнуться полицейским неприятностям. — Разрешите темы этой не развивать.

Однако чувство самоуважения и сознание, что не годится мне в конце седьмого десятка (мне скоро 70 лет) переходить на заячье ампула, взяли верх.

Как мне писали, проф(ессор) Балухатый уехал в начале августа в отпуск и должен был вернуться в первых числах сентября. В соответствии с этим я написал ему 9 сент(ября) о своем согласии и просил оставить в «Сборнике» 2 листа для статьи и писем. Очевидно, профессор еще не вернулся, так как ответа от него не получил.

Бряд ли он будет в претензии за отсылку статьи Вам, как Председателю Пушк(инского) дома⁵.

Предварительный просмотр Вами м(оей) статьи и без того считал и считаю необходимым: когда пишешь о живом человеке, притом близком, надо сообразоваться с его мнением и даже впечатлением.

Вначале я написал свою статью по лекционным наброскам, но потом пришел к заключению, что так не годится. В устном изложении приходится больше говорить от себя и ограничиваться небольшими цитатами, — между тем некоторые из ваших писем представляют *исключительный* художественный интерес, в особенности письмо ваше от 18 окт(ября) 1913 г.⁶ Стало быть, ясно, что надо отодвинуть себя на дальний план и дать больше места этим письмам *in extenso**.

Казалось бы, для чего это делать в статье, если в той же книге печатаются полностью письма. Однако это не так. Конечно, издание «сборников» ваших писем дело необходимое, но не надо себя обманывать: не говоря уже о широких массах, такие сборники мало читаются даже интеллигентными людьми: *перелистает* эти сборники в лучшем случае сотня, а внимательно *прочтут* лишь десятка два-три. Причина: большая трудность фиксировать внимание, так как, не зная, чем вызвано то или другое письмо (печатаются ведь только *ваши* письма, а не *переписка*), читатель быстро утомится. Между тем письма, воспро-

* Дословно, полностью (лат.).

изведенные в важнейших выдержках в статье, получают особую яркость по сравнению с авторским текстом.

Теперь о содержании моей статьи. Меня берет сомнение, нужна ли моя *вторая* главка⁷. Она написана, чтобы показать, что у Вас по сравнению с другими нет заимствований. Однако не отвлекает ли это частное задание внимания от Вас, т. е. от единственного, что меня интересует? — Вам виднее, а потому поступите с этой главкою так, как сочтете нужным.

Что касается «воззвания», Вам инкриминировавшегося, то я его привел в том виде, в каком оно было приведено в моем прошении в Судебную Палату: более полного текста не мог раздобыть⁸. Если Вам удастся достать полный текст, то прошу заменить им соответственные строки моего изложения. Если моя статья запоздала, — не набрана ли уже книга, — то не трудитесь возвращать ее мне, так как я располагаю копиею. Все равно в русской печати за границею, при всем ее внимании ко мне, статьи о Вас не напечатают. Я это испытал, когда предложил дать статью по поводу вашего юбилея⁹.

Если Вы ознакомились с посланными Вам недавно газетными отчетами о моих публичных чтениях о Вас¹⁰, то, быть может, у Вас возник вопрос: почему-де Оскар Осипович не прислал их своевременно (ведь теперь с тех пор прошло 9 лет). Зачем? — То, что я говорил о Вас перед большою публикою, было говорено не для того, чтобы доставить Вам удовольствие или выслужиться перед Вами. Я считал себя обязанным, как ваш защитник и друг, выступить против клеветы не только бездоказательной, но и *заведомо* подлой¹¹. При вашей особой впечатлительности даже дружеская защита не могла Вас не взволновать, как доказательство того, что было-де от чего защищать. Ну а теперь, когда мои «чтения» покрыты земскою давностью, Вы, конечно, отнеслись ко всему этому, как к курьезу.

Затем небольшая просьба.

Я настолько дорожу *оригиналами* ваших писем, что, несмотря на желание помочь брату в его нищенском положении, послал ему лишь несколько копий¹². Между тем месяца 2½ т. н. сестра моя¹³ ввиду предполагавшегося ее отъезда из Ленинграда перебирала свой скрѣп и обнаружила у себя 4 ваших письма и 2 письма Репина. Я уехал после перенесенного двустороннего воспаления легких в апреле 1918 г. на юг, в расчете вернуться через несколько месяцев, как окрепну. Уехал я с разрешения властей. Но затем, когда закипела жуткая гражданская война, решил не возвращаться, пока не утрабуется жизнь. Вот в это самое время мое имущество, библиотека и переписка пошли прахом. Сестра, сохранив у себя 4 в<а>ших письма, очевидно, забыла о них. Они, как оказывается, проданы Пушкинскому дому¹⁴. Это меня огорчает. После м<оей> смерти письма ваши, В. Г. Короленко и других дорогих мне людей будут, конечно, отосланы Розою Гаврилѣвной на родину. Но, пока я жив, мне тяжело с ними расставаться. Пожалуйста, посодействуйте возврату их мне: уплоченные деньги будут, конечно, возвращены до выдачи писем. Когда будете писать мне о судьбе м<оей> статьи¹⁵ (надеюсь, ответа не задержите), напишите мне подробно о себе, — в особенности о состоянии Вашего здоровья.

Всего хорошего Вам и нашей родине, судьба которой Вам и мне дорога. С болью думаю о неотвратимом германском нашествии. Не скрою, немцев всегда боялся и боюсь. Они — народ военный и неистовый, притом с железной дисциплиною. Надо идти на большие жертвы в отношении японцев. Они, действительно, задыхаются от тесноты. А раз задыхаешься, то бьешь стекла.

Фронт японский не менее труден, нежели германский. Между тем, поладить с японцами не оч<ень> трудно. В своих требованиях, как до-

казал Портсмутский договор¹⁶, они скромны: могли взять много больше, чем получили. Поладив с Японией, можно будет значительно усилить фронт против Германии.

Остаюсь, как всегда, искренне Вам преданным.

О. Грузенберг

Копии ваших писем на днях соберу и отошлю¹⁷.

¹ Сергей Дмитриевич *Балухатый* (1892—1945) — литературовед, библиограф, с 1943 г. — член-корреспондент АН СССР. Исследования Балухатого посвящены главным образом творчеству Горького и Чехова.

С 1930 г. руководил отделом русской литературы XX в. в Пушкинском доме АН СССР.

² С. О. Грузенберга.

³ Имеется в виду кн.: *Горький М. Материалы и исследования*, М.: изд-во АН СССР, 1941. Т. 3 / Под ред. С. Д. Балухатого и В. А. Десницкого. В введении «От редакции» говорится: «Третий сборник Института литературы Академии наук СССР, посвященный А. М. Горькому, задуманный еще при жизни Алексея Максимовича, выходит в свет после его гибели (...) Первоначальный план настоящего сборника был известен Алексею Максимовичу и в целом им одобрен». Открывается том разделом «Переписка М. Горького», затем идут: II. Статьи о М. Горьком и III. Материалы и документы.

⁴ См. п. 29.

⁵ Горький в 1935—1936 гг. был директором Пушкинского дома. Статья Грузенберга «О Максиме Горьком» (воспоминания), неоднократно цитируемая в настоящей публикации, хранится в АГ.

⁶ Имеется в виду п. 14 от 10/23 октября 1910 г.

⁷ В этой главе Грузенберг отмечает ряд аналогий в темах и отдельных выражениях у различных писателей, объясняя это заимствованием. О Горьком он говорит: «У Горького, должен отметить, моей следственной склонности не удалось познаться: только одна фраза (точнее — слово) возбудила во мне когда-то сомнение: „дети — цветы“. Не из В. Гюго ли это?»

⁸ См. п. 25, а также п. 26, 27, 28.

⁹ В марте 1928 г. праздновалось 60-летие Горького и 35-летие его литературной деятельности.

¹⁰ См. п. 29, прим. 1. Отчет о лекции Грузенберга, напечатанный в рижской газ. «Сегодня», был прислан им Горькому через С. О. Грузенберга. Последний писал Горькому 21 мая 1935 г.:

«Брат мой Оскар Осипович Грузенберг обратился ко мне с просьбой опубликовать присланные им мне материалы по Вашему делу (...) Часть этих материалов (объяснение Оскара Осиповича по Вашему делу, в коем изложено вменявшееся Вам в вину „воззвание“ и изложение прочитанной им за границей лекции о Вас, жалоба прокурора судебной палаты на О. О. и телеграмма итальянских адвокатов) пересылаю Вам при сем письме по просьбе о том Оскара Осиповича» (АГ).

¹¹ Возможно, Грузенберг имеет в виду клеветнические утверждения о Горьком-«эмигранте», принципиально не желавшем возвращаться в СССР. В газетном отчете опровержение этого Грузенбергом выражено так: «...быть может, нынешние настроения Горького, сидящего в Италии, являются косвенным отражением его переживаний того «каприйского» времени, когда Горький писал Грузенбергу, что ему «все равно, где жить, так как он всегда и всюду будет исполнять свои обязанности» (Там же).

¹² В цитируемом выше п. С. О. Грузенберга Горькому далее содержится просьба разрешить публикацию полученных писем и других материалов: «Хотя, по словам Оскара Осиповича, он еще в 1923-ем году получил от Вас разрешение на опубликование Ваших писем к нему, тем не менее я считаю нужным запросить Вас, — не встречается ли с Вашей стороны препятствий к опубликованию присланных мне моим братом материалов».

¹³ Берта Осиповна Спектор.

¹⁴ Видимо, подлинники (3 автографа и 1 авторизованная машинопись с припиской от руки) п. 1, 13, 14, 21, поступившие в АГ из ИРЛИ (Пушкинского дома).

¹⁵ Статья Грузенберга осталась ненапечатанной. Пометы Горького на полях ее и различные подчеркивания говорят о том, что писатель внимательно прочел рукопись. В ряде случаев он отметил неточности и ошибки Грузенберга. Так, на с. 8 во фразе: «В юные годы Горький покушался на самоубийство (пуля сидит в нем до сих пор)» — Горький подчеркнул стоящие в скобках слова и рядом, на полях, поставил знак вопроса; на с. 11 также помечал Горький ошибку Грузенберга, назвавшего своего подзащитного Н. Е. Буренина «секретарем Петербургского комитета партии большевиков». На с. 18 Грузенберг пишет: «Впоследствии я видел несколько минут Максима Алексеевича у М. Горького в Берлине летом 1922 г.: он

уже был отцом семейства». Горький подчеркнул указанный Грузенбергом год и слово «отцом» как не соответствующие друг другу: Максим Алексеевич стал отцом в 1925 г. На с. 25 Грузенберг рассказывает о п. Горького Августу Бебелю, которое должен был передать адресату Грузенберг, датируя его 1910 г. На полях Горький исправляет: «1905 г.»

Во вступ. ст. к данной публикации уже приводилась помета Горького, сделанная на полях, по поводу телеграммы Грузенбергу о Парвусе. На этой же 25 странице исправлено подстрочное примечание Грузенберга, спутавшего Ладыжникова с С. П. Боголюбовым.

Иногда Горький делал добавления в тексте воспоминаний. Например, к перечисленным Грузенбергом членам депутации, посетившей 8 января 1905 г. Святополк-Мирского, Витте и Рязанского, Горький добавляет: «Кузин, рабочий, агент Д(епартамента) п(олиции)». Имеется в рукописи и чисто литературная правка: «Кашку слопал, плошку о пол», — пишет Грузенберг (с. 1). Горький зачеркивает «плошку» и надписывает «чашку», ставя также ударение над «о».

¹⁶ Мирный договор между Россией и Японией, заключенный по окончании русско-японской войны в г. Портсмуте 5 сентября 1905 г.

¹⁷ Возможно, что Грузенберг прислал копии писем не непосредственно Горькому, а — как это он делал раньше (прим. 10) — через своего брата С. О. Грузенберга, который, сняв с них свои копии, отослал последние в *ИРЛИ* (Пушкинский дом) для Горького. Сделать такое предположение заставляют имеющиеся в *АГ* машинописные копии п. 3, 8, 11, 17. Судя по орфографии, это машинописи позднейшего происхождения, сделаны они на грубой желтой бумаге и поступили в *АГ* из *ИРЛИ* (Пушкинского дома).

Связь их с публикациями в книге «Очерки и речи» несомненна.